МАРГО ГЕНЕР

ТАМ И ЗДЕСЬ

АКАДЕМИЯ ПАРАМАГИИ

Марго Генер

Там и Здесь. Академия Парамагии

Серия «Там и Здесь», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69638596
SelfPub; 2023

Аннотация

Учиться в академии Парамагии все-таки нужно и Ярослава, вопреки стараниям Алекса Хрома, пытается закрепиться в ней. У нее появляются друзья среди студентов, но в отношениях с агентами искрит. И непонятно, чем эти искры грозят – романтикой или угрозой отчисления. К тому же в воздухе повеяло мировой опасностью, и Ярославе приходится вспоминать, что она не только студентка, но еще и агент. Ей придется делать непростой выбор.Однако никто не ждал того, что уготовила ей судьба.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 15
Глава 3 29
Глава 4 48
Глава 5 67
Глава 6 83
Глава 7 100
Глава 8 126
Конец ознакомительного фрагмента. 129

Марго Генер
Там и Здесь.
Академия Парамагии

Глава 1

Что такое способности, как не средство выживания? Именно они определяют, как будет жить человек и кем станет. Выживет или упадёт на самое дно человеческого бытия.

Именно их мне сейчас и не хватало. Магических способностей, которые могли бы решить львиную долю моих проблем. Но в запасе у меня сейчас лишь страх, подогретый коктейлем гормонов, выплеснувшихся в кровь. И оставаться здесь – значит позволить надругаться над собой. А это в мои планы не входило даже когда жила в одной квартире с Владом Лисицыным. Так что будучи совершенно голой перед гигантской бабкой и заносчивым доходягой в парной, подскочить со скамейки меня заставили именно гормоны. А вовсе не магическая сила.

Со всей силы я тараном налетела на желеподобное тело бабки и сбила с ног её несуразную тушу, бабка противно взвизгнула, и мы обе начали немедленно падать.

– Ах ты окаянная! – заорала она в полете и загремела на

дощатый пол всей массой.

Я оказалась поверх её рыхлых телес, что уже само по себе испытание. Зато несуразный парень взвизгнул, как девчонка, и всплеснул руками.

– Ты обязана подчиняться! – завопил он и рявкнул на бабку: – Чего разлеглась! Вставай! Лови её!

Я быстро сползла с бабки и, цапнув с крючка большое банное полотенце, обмотала вокруг себя.

– Помывка отменяется, – буркнула я и сделала шаг к двери.

Но парень моего стремления не разделял. Он решительно перегородил путь и растопырил руки, страшно выпучив большие черные, как деготь, глаза.

– Ты должна стать моей первой! – вскричал он и зачем-то потряс бедрами. От этого золотой пояс, поддерживающий набедренную повязку, зазвенел, будто парень собирается исполнить восточный танец.

– Вот уж не угадал, – ответила я и попыталась обойти его справа.

Парень не пропустил. Я дёрнулась влево, он снова перекрыл мне путь.

Если бы у меня были магические способности или хотя бы тот шаман не перекрыл мне возможность пользоваться заклинанием «Эхо», я однозначно окатила бы гаденыша магией, насколько хватало бы сил. Но сил у меня нет. И я сделала то, что инстинктивно делают все девчонки, когда им угрожа-

ет особь мужского пола: шагнула вперёд и с размаху вмазала парню коленом промеж ног.

Он резко согнулся, прижав ладони к паху, а парная наполнилась его болезненным:

– Уууу…

Я обежала гаденыша и с остервенением налетела на дверь.

– Куда! – крикнула мне в спину бабка.

– Подальше! – бросила я и ещё раз налегла на створку.

Та нехотя, но поддалась. Я выбежала в темный коридор, довольно холодный после душной парной, и понеслась разыскивать ятп. Гоблин спрятал его у себя в кармане, но без этой крохотной тарелочки с яблочком я понятия не имею, как отсюда выбираться. А на улицах Подгорода одинокую девицу в полотенце быстро приберут к рукам какие-нибудь страшилищи. Так что надо где-то спрятаться, пересидеть и подумать.

Конечно же, бегство мое заметили буквально через пять минут. Ещё бы, я же врезала по причиндалам их холеному недорослю. Позади послышались крики команды, а так же мерзкий голос страшной бабки, которая причитала на разные лады.

Я припустила ещё быстрее. Сердце ударялось в грудную клетку от бега, стопы ныли, ведь бегу я босиком по каменному и холодному полу. Но решимость гнала дальше. Не для того я родилась, чтобы стать наложницей в гареме принца бомжей.

– Стой! Остановись! – крикнули позади, что придало мне дополнительного ускорения.

Меня однозначно догнали бы, если бы в полумраке на бегу я не заметила бы небольшой вход в стене. Не раздумывая, юркнула туда. Небольшая лесенка провела меня сперва вниз, а затем прямо по извилистому коридору со множеством деревянных дверок. В одну из них я и заскочила, плотно затворив за собой и задвинув замок.

Внутри темно, тихо и пахнет ветошью. Я пошарила руками, нащупала пальцами какой-то шнурок, а когда дернула, что-то чиркнуло и комната заполнилась слабым светом желтой лампочки.

Оказалось, я то ли в кладовке, то ли в подсобке. Маленькой, но сплошь заполненной стеллажами, на которых коробки и банки. Вот же попала, а? Эх, если бы я больше посещала занятия по заклинаниям и всяким магическим практикам, меня бы точно не схватили. Ещё и шаман смотрителя что-то поколдовал надо мной, может, реально лишил магии. Впрочем как можно лишить магии того, кто ею не обладает? Ха! Дурень.

Но надо выбираться. Меня ищут. А ещё где-то там, в Москве, моя мамочка ждет и переживает, почему я так долго не навещаю её в клинике. А Влад Лисицын почит на лаврах и злорадствует, тварь. Так что некогда распускать сопли.

Закрепив полотенце на груди, чтобы не спадало, я полезла шарить по коробкам. Наверное, Фортуна, о которой гово-

рил гоблин, пока вез меня в повозке, снова повернулась ко мне лицом, потому что в коробках я нашла одежду и обувь. Не бог весть какую, конечно – старую, потрепанную. Но это гораздо лучше, чем бегать по Подгороду в полотенце. Или без него.

Из этого тряпья нашла то, что больше всего похоже на одежду: мужские джинсы пятидесятого размера и синюю толстовку таких же габаритов. Из обуви в коробках оказались только уги. Выбор не велик, но это лучше, чем босиком. Джинсы пришлось подвязать веревкой, а, когда нацепила остальное, стала похожа на самопального рэпера.

Да и пусть. Теперь бы выбраться.

Миха и Соловей наверняка сбились с ног, разыскивая меня. Ятп у меня отняли, так что сигнал не подать, а сидеть в кладовке долго нельзя – найдут. Что остается? Выбираться самой и искать путь на поверхность, а Сол и Миха… Они же все равно когда-нибудь вернутся в АКОПОС. А как выберусь, однозначно учиться и ещё раз учиться. Может, я, конечно, сильная и смелая, как та ворона из анекдота, но защищать себя уметь нужно.

Шум в коридорах то усиливался, то стихал. Дождавшись, когда станет поспокойнее, я тихонько приоткрыла дверь и поглядела по сторонам. Никого. Ну и славно.

Прихватив на всякий случай из кладовки арматурину, я сунула её за пазуху и, натянув капюшон, перебежками двинулась вверх по коридору.

Сердце моё колотилось, я жутко боялась, что меня вот-вот раскроют, а тогда точно прибьют. Едва ли за побег и избиение великовозрастного чада короля бомжей меня погладят по голове. С другой стороны, иных способов защитить свою честь у меня не было. Поэтому теперь я пробираюсь, как тень, среди деревянных коридоров и каменных горшков, из которых не то чтобы хорошо пахнет.

Улица предстала предо мной неожиданно и внезапно, пыхнув в лицо дымом каких-то труб, гомоном и запахом рыбы. Видимо, я вышла через чёрный ход прямиком на торговый ряд. Ну и прекрасно, то, что надо. В толпе затеряться легче всего.

Не долго думая, я тихонько слилась с людской массой, но не прошла и трех шагов, как откуда-то сверху раскатисто провозгласили:

– Подгородцы! Вольные люди! В нашем стаде появилась поганая овца!

Народ на улице разом остановился, все подняли головы и замерли. Мне пришлось тоже встать, чтобы не выделяться и осторожно, стараясь держать лицо в тени, взглянуть вверх.

Говорящим оказался смотритель. Цветной халат распахнулся и на волю вывалился его живот, едва прикрытый бородой. Смотритель воздел руки и продолжил:

– Эта неблагодарная мерзость посмела пренебречь высокой честью, оказанной ей нашим обществом. Более того, она нанесла травму физическую, но что, ещё хуже, травму мо-

ральную вашему наследному принцу. Не оставьте же нас и себя в опасности, ибо эта презренная все ещё где-то здесь. Её надо изловить и предать правосудию!

Смотритель замолк, а толпа взревела и стала сотрясать кулаками в воздухе в поддержку смотрителя. А у меня по спине прокатился холодок – они здесь не только анархисты, но и очень любят свой образ жизни. Так что мне надо пошевеливаться.

Стараясь смешиваться с толпой, я тоже начала потрясать кулаками и незаметно продвигаться в сторону переулка. Домики по его краям невысокие, и мне отсюда хорошо виден нижний город. Он выглядит знакомым, кажется, вон с той стороны мы с Михой и Соловьем пришли. А поскольку мне неизвестно, в каком направлении они намеревались идти, то путь на поверхность у меня один – через Буферный рынок. И мне совсем не в тягость подождать очередь у лифта. Надо же, какие неженки, потерпеть не хотели. Если бы я знала, чем обернется этот обход через Подгород, сама бы толкала этот лифт вверх.

До переулка я добралась без происшествий. И все бы ничего, если бы капюшон моего безразмерного балахона не зацепился за какую-то палку, торчащую из окна дома слева. В лучших традициях кинематографа, капюшон слетел с головы и все вокруг узрели мою наземню физиономию – чистую, опрятную и совсем не подгородскую.

Сухощавый мужчина в тряпье ткнул в меня пальцем и

прокричал:

– Вот она! Я её вижу!

После этого я уже не думала, а резко развернулась на пятках и рванула по переулку вниз.

На пути попадались корзинки, клетки с курицами, какие-то тазики. Я это все перепрыгивала и с грохотом валила, усложняя путь преследователям. А их, судя по гулу толпы позади, немало.

В высшие силы я особо не верила, но, наверное, именно они вывели меня к дороге, ведущей к городским воротам. На бегу я вспомнила, что, когда мы входили, в воротах кто-то стоял. Так что, не сбавляя скорости, я схватила деревянную тачку, которую вырвала из рук какого-то гоблина, и рьяно покатила её перед собой, как таран.

Тачка затарахтела по каменной дороге. А я, увидев, что впереди на воротах и впрямь дежурит зеленомордый низкорослик, сжала пальцы покрепче на ручке и воинственно заорала:

– Р-р-разойдись! Задавлю-у-у-у!

Стражник появления безумной девицы с тачкой не ожидал и инстинктивно отпрыгнул в сторону, а я пронеслась мимо него, как разогнанный локомотив. Тачка тут же была отброшена в сторону, а я рванула дальше через поле в сторону леса.

По моему представлению преследование должно было прекратиться у стены города. Но когда на бегу оглянулась

– сердце моё сжалось, ибо разъяренная толпа подгородцев в лохмотьях неумолимо неслась следом. Кто бы мог подумать, что жители анархистского общества могут быть так преданы своему… Вождю? Как-то вождь не вяжется с анархией.

Продолжить размышления о политическом строе Подгорода мне не дал топор, который пронесся над ухом и воткнулся в землю чуть левее траектории моего бега. А вот это уже совсем не весело. Если они начнут бомбардировать меня холодным оружием, я точно отсюда не выберусь. Как же мне не хватает магии! Мне срочно! Нет – СРОЧНО!!! Нужно пройти курс боевой подготовки, заклинания, что там ещё. Невозможно работать в АКОПОС, не проучившись в академии Парамагии. Теперь я это точно понимаю. Жаль только, что Алекс так упорствует моему обучению. Нет бы наоборот – помочь, подтянуть по предметам. А он только палки в колеса вставляет и изобретает, как мне не дать удержаться в академии и агентстве.

– Стой, гадина! – прокричал хриплый голос сзади, я снова забыла о размышлениях и припустила.

Когда я пересекла поле и ворвалась в лес, силы мои поуменьшились, дыхание сбилось, а пульс подскочил, наверное, к двумстам.

Ветки били по лицу, через кусты ломиться трудно, но я продолжала бегство. Особенно потому, что, оглянувшись, к своему огорчению увидела, что преследователи не то, что не отстали, а очень даже догоняют.

– Твою ж кочерыжку… – прохрипела я и выплюнула изо рта ветку, которую откусила, пока, наклоняясь, пробегала под яблоней.

На каком топливе я преодолела лес, сама не поняла, но он внезапно кончился, и я выбежала на каменистый берег Девонского моря. Волны мерно накатывают на камешки, поверхность покрыта легкой рябью. Тишь да благодать, если бы за мной не гналась разъяренная толпа, жаждущая отмщения.

– Вот же драный конь! – выругалась я.

Оглядываться даже не стала, и так по приближению гомона понятно – подгородцы совсем рядом. Они же меня на тряпки порвут!

В паническом ужасе я завертела головой и вдруг обнаружила: слева на валуне нежится мужчина-осьминог с зелеными волосами, который намеревался меня сделать своей продолжательницей рода.

Не теряя больше ни секунды, я спрыгнула на камни и в один миг оказалась рядом. Даже не знаю, откуда у меня появилась смелость со сноровкой выхватить из-за пазухи арматурину и, оказавшись сзади, придушить ею человека-осьминога.

Тот вскрикнул, щупальца вместо ног заизвивались, существо ухватилось за арматурину, пытаясь её отстранить. Но я держала крепко.

– Слушай, потомок Кракена, – быстро заговорила я ему туда, где у людей обычно уши, – по поверхности плаваешь

быстро?

– Пусти-и-и-и… – прошипел он в ответ, продолжая тщетные попытки вырваться.

Я придавила сильнее, осьминогое засипело.

– Значит так, – быстро заговорила я, – или ты сейчас прыгаешь вместе со мной в воду и везешь на Буферный рынок, или я тебя задушу. Думай быстро. Считаю до трех. Раз…

Насколько я блефовала, сама не поняла. Победительницей я никогда не была, но, видимо, адреналин творит с организмом невероятное. В обычной жизни я бы и близко не подошла к нему. Хотя о чем я? Какая у меня теперь обычная жизнь.

– Два… – продолжила я и сдавила его шею ещё более рьяно.

В этот миг из леса вывалила толпа подгородцев, у меня оставались считанные секунды, осьминогое дернулось, а моё сердце замерло и пропустило удар, я с напором прошипела над его ухом:

– Придушить тебя у меня времени хватит.

Хватка существа ослабла.

– Ладно… – прохрипел он.

В следующий момомент он вместе со мной на спине, заарканенный арматуриной, сиганул с камня в воду. Последней моей мыслью перед тем, как вода ударила в лицо стала: «Я должна учиться в академии Парамагии. Иначе мне не выжить».

Глава 2

То, как я плыла через Девонское подземное море на мужчине-осьминоге, я помнила, как в тумане. Несколько раз он пытался меня утопить, не знаю, каких богов благодарить, за спасение. Я душила этого кракена каждый раз, когда он заныривал в очередной попытке утащить меня ко дну или стянуть со своей спины щупальцами.

Когда высаживалась на берегу у Буферного рынка, местные торгаши шарахались от меня, как от исчадия. Видок у меня, очевидно, был такой себе. И когда я измотанная, шатаясь, доковыляла до лифта, очередь расступилась, пропуская мокрую и страшную меня вперёд.

Только когда поднялась на поверхность и вывалилась из лифта, смогла выдохнуть. Со мной сегодня случилось столько, что хватит на три жизни вперёд. Причём с учетом того, что в АКОПОС я успела насмотреться всякого.

Сердце моё все ещё гулко билось в грудную клетку, но дыхание немного успокоилось. Когда вышла из двери с надписью «Только для служебного персонала» и оказалась в метро, бегущий мимо народ покосился на меня с опаской. Я только отмахнулась: бегите-бегите. Живете тут и не знаете, что под Москвой целое море, рынок и город, в котором торгуют людьми.

Идти, кроме как в АКОПОС, мне некуда. Так что я сдела-

ла несколько пересадок и вышла на Пятницкой улице. Там по памяти добралась до исторического дома и жутко перепугала своим появлением тех, кто в нем находился.

В тайный проход я, к счастью, попала без сложностей. И только тогда расслабилась. Кто бы мог подумать, что я испытаю облегчение, оказавшись в здании агентства.

Силы у меня моментально кончились. Не помню, как я добралась до своей комнаты в общежитии Парамагии, но как только подошла к кровати – упала на неё и отрубилась.

Разбудил меня грохот в дверь. Стучали настойчиво и громко. После всего, что приключилось, мне очень хотелось поспать подольше. Но кто меня спрашивал.

– Ярослава! Яра! Ты здесь? Яра! – донесся знакомый голос из-за дверей.

Смачно зевнув, я потянулась всем телом, суставы недовольно затрещали – они тоже хотели бы полноценного отдыха. Но в дверь продолжали стучать и орать. Я разлепила веки. Так вопить может только Дубрава. Что ей от меня надо?

Подниматься было трудно, но я заставила отяжелевшие конечности напрячься и, встав, проковыляла к двери.

– Иду… Иду…

Когда открыла, на меня буквально налетела Дубрава с круглыми, как у скворчонка из мультика, глазами. Зеленые волосы растрепались и местами встали дыбом. Она ураганом пронеслась по комнате, наполнив её запахом свежей листвы и травы.

– Яра! Ты где… Ты как… Ты… Ты… – остановившись у окна, затараторила она сбивчиво.

Я выставила перед собой ладони и попросила:

– Так, так, так, полегче. Давай по очереди. Что такое?

По тому, как тяжело дышала Дубрава, как таращились её глаза и хлопали пушистые ресницы, не сложно догадаться – взволнована она на десять из десяти. Ей пришлось сделать несколько глубоких вдохов и сглотнуть прежде, чем снова начать говорить.

– Тебя потеряли! – выпалила она. – Вся академия Парамагии на ушах. В АКОПОС объявлен желтый сигнал!

У меня болели мышцы, голова соображала туго, я жутко не выспалась. Широко зевнув, я поинтересовалась вяло:

– А сколько бывает сигналов?

Дубрава растерянно отпрянула, неверяще уставившись на мое спокойное лицо.

– Что? – переспросила она.

– Ну, – пояснила я, – сколько бывает этих вот твоих сигналов? Я ж выскочка и понятия не имею о том, что для тебя очевидно.

Дубрава снова похлопала ресницами.

– Э… Ну вообще шесть, – ответила она неуверенно. – Желтый, оранжевый, красный, малиновый, коричневый и черный…

У меня квакнуло в желудке – не ела я со вчерашнего дня. Надо бы наведаться в столовую академии. А может, даже в

АКОПОСовскую. Там пряники вкусные.

– То есть, даже не красный? – уточнила я со слабым интересом. – Как жалко. Мое исчезновение не заслужило даже красного сигнала, что бы это ни значило.

Развернувшись, я проковыляла обратно к постели и повалилась спиной на мягкое одеяло. Сейчас оно сырое, потому что вчера я не сняла с себя мокрую одежду.

Дубрава ещё пару секунд с непониманием и оторопью пучила на меня глаза, а потом встрепенулась и затараторила:

– Яра! Ты спятила? Тебя ищут! Где ты была? Что случилось???

Сейчас мне больше всего хотелось, чтобы все оставили меня в покое и дали выспаться. Отвратительно, когда будят в неправильную фазу сна, потом весь день чувствуешь себя разбитым. А когда ещё и недоспал, после того, как сражался со всякими чудиками – тем более.

– Дубрава, – отозвалась я уставшим голосом, – если меня ищут, то очень плохо. Но, как видишь, я нашлась сама. Так что если кому-то хочется меня видеть, пускай сами приходят.

– Резонно, – донесся низкий, резкий мужской голос со стороны двери.

В груди моей ухнуло, сон моментально слизало, а я села на кровати и уставилась на Алекса Хрома, который остановился в дверях. Руки сложены на груди, голова наклонена вперед, будто лбом собирается боднуть воздух, а взгляд злой и не

предвещает ничего хорошего. Мне бы испугаться, но я так устала, что сил на это просто нет.

Зато Дубрава застыла и выпучилась на вошедшего Алекса. Ещё бы, в академии на него все девчонки слюни пускают. Знали бы они, какой Алекс невыносимый человек.

– И тебе доброе утро, – проговорила я.

– Утро? – скривился Хром. – Уже давно обед, это во-первых. А во-вторых, – ты хоть понимаешь, что устроила?

– Я???

Теперь меня на самом деле возмутила его претензия – не успел войти, а уже качает права.

– Ничего, что это меня потеряли? – выпалила я, чувствуя, как закипаю.

– Вот Спрутовской и расскажешь, – с самодовольной ухмылкой проговорил Алекс. – Наконец она воочию увидит, какая ты катастрофа для АКОПОС, и отправит тебя в мир гражданских.

Мне даже не дали как следует выругаться. Просто ухватили за локоть, вытащили из кровати и поволокли по коридорам общаги прямиком в крыло агентства в кабинет к командиру Спрутовской.

Гигантская женщина-осьминог в сиреневом пиджаке ждала нас в середине своего приемного зала. Высокая прическа добавляла строгости, а многочисленные щупальца с дорогими кольцами плавно покачивались, как лепестки громадного цветка. Я даже засмотрелась. Но только на секунду, потому

что едва Алекс протолкнул меня вперед, Спрутовская резко оглянулась на нас и зал заполнился её низким, требовательным голосом.

– Хром! – произнесла она. – Потрудись объяснить, почему я должна простить тебе прокол межмирового масштаба? Какого, поведай мне на милость, кракена студентка академии Парамагии, агент АКОПОС была потеряна на целые сутки?

Конечно же, объяснить ситуацию мне не терпелось самой. По мне это было неудачное стечение обстоятельств. Но Алекс опередил, успев послать мне хищный взгляд с ухмылкой.

– Командир, – начал он, – вы совершенно справедливо злитесь. Потерять агента, к тому же студентку – непростительно. Именно поэтому я считаю, что агента Соловья Разбойника нужно наказать. Ведь именно с ним она отправилась…

От такой откровенной лжи у меня вылезли глаза на лоб.

– Брехня! – выпалила я. – Не так все было!

Алекс окатил меня яростным взглядом и продолжил говорить, хотя и значительно быстрее. Вот же зараза, спешит впарить свою версию!

– Командир, Ярославе здесь не место, – проговорил он. – Вы справедливо и хорошо меня наказали. Но по-моему, это все начинает вредить агентству. Я настаиваю на том, чтобы Ярославу Воронцову немедленно уволили из АКОПОС и исключили из академии Парамагии. Тем более, что и там и

здесь она присутствует незаслуженно.

– Ну ты и гад! – выругалась я и со всей силы толкнула его в плечо.

Алекс ухмыльнулся и, отшагнув, демонстративно указал на меня ладонями.

– Видите, – сказал он, – она даже вести себя не умеет. Какая ей академия? Какой АКОПОС? Я честно пытался интегрировать её в магическое общество, но от неё одни неприятности. И чем дальше, тем больше.

По лицу Спрутовской понять, что она думает, оказалось невозможно – непроницательна и строга, как всегда. Я же оставить такую вопиющую несправедливость без ответа не могла. Тем более, что альтернативы у меня нет, учиться в академии Парамагии и работать в АКОПОС – это единственно возможный для меня путь. Дома у меня больше нет – там все захватил Влад Лисицын. А маму вызволить из клиники я смогу только с помощью ресурсов, которые есть здесь. Так что я набрала в легкие воздуха и приготовилась дать конкретную отповедь этому светлоглазому брюнету с острыми скулами.

Но не успела, потому что дверь в кабинет открылась, на пороге возник Соловей. Мрачный, как грозовая туча, всклоченный, на щеке царапина со свежезапекшейся кровью, а футболка на боку разорвана.

Его взгляд приковался ко мне и Алексу, такой злой, что у меня похолодела спина. Сол сократил расстояние между на-

ми в один миг, я перепугалась – думала, он сейчас прижучит меня, как муху, и сгруппировалась, готовая к выволочке. Но вместо этого Сол вдруг прорычал:

– Мудила.

И, развернувшись, со всего размаху зарядил агенту Хрому кулаком в челюсть. Удара Алекс не ожидал и отлетел влево, но только чтобы тут же вскочить и накинуться с ответным ударом на Соловья. Завязалась драка, на которую я таращилась во все глаза и не понимала, что, растудыть их обоих в качель, происходит.

– Хром, Разбойник! Немедленно прекратить! – приказала возмущенная Спрутовская.

Но агенты уже сцепились, как разъяренные псы, и молотили друг друга тяжелыми кулаками. Благо, пока в ход не пошла магия. Мне уже доводилось видеть, как свистит Соловей и как шарахает светящимися пульсарами Алекс. Кто знает, что ещё они умеют и как сильно могут друг друга покалечить.

– Эй! – запоздало попыталась вмешаться я.

Но какой там. Агенты мутузили друг друга так, что и меня едва не задели кулаками.

Алекс отскочил в сторону от Соловья в боевой позе, что дало ему пару секунд паузы.

– Ты чё делаешь, Разбойник?!

– Чё надо! – огрызнулся Соловей и снова ринулся в атаку.

Судя по тому, что происходило до этого, Хром бился в

полсилы, но теперь он ловко увернулся от увесистого хука и, быстро присев, засадил Соловью мощный апперкот в подбородок. Его кулак при ударе засветился золотистым, Соловей только успел сделать какой-то пасс, выставляя щит, но все равно я услышала глухой хруст его челюсти, и дрожь страха прокатилась по моей спине до самого копчика. По залу прокатился невнятный стон Соловья. Затем требовательно и возмущенно прозвучал голос командира Спрутовской:

– Нет, это уже ни в какие ворота не лезет.

В следующий момент её лиловые щупальца метнулись вперед, одно из них обхватило за пояс Алекса, другое – Соловья. И тут же, подняв обоих в воздух, развело в стороны.

Агенты тяжело дышали и дрыгались, пытаясь высвободиться из колец Спрутовской. Но тщетно – её толстые щупальца крепко скрутили обоих.

– Как это понимать? – с нажимом потребовала она объяснений. – С каких пор разрешено врываться в мой кабинет и устраивать в нем спарринг?

Агент Хром уперся ладонями в обхватывающее его щупальце и проговорил с натугой:

– Я-то тут при чем? Это Соловей! Он сошел с ума!

– Я?! – кривясь от боли и коверкая слова сломанной челюстью, отозвался в ответ Соловей. – Это ты, скотина!

– Да почему я?!

– Ты, урод… девчонку не обучил базовым вещам, – прохрипел Соловей и сплюнул на пол кровь. – А её уже на зада-

ния отправляют… Её два раза чуть не убили за сутки!..

– А я говорил, что ей здесь не место!

– Ты должен её обучать, а не решать, кому здесь место, а кому нет! – с яростным хрипом проговорил Разбойник. – Не все попадают сюда по блату… Некоторым приходится учиться. И твоя задача была дать ей хотя бы азы защитной магии!.. Какого ляда она не может даже «эхо»?

Алекс скривился, снова пытаясь высвободиться из спрутовских пут. Когда снова ничего не получилось, он натужно выдохнул и немного обмяк.

– Да откуда я знаю, почему, – сказал он и глянул на меня с пренебрежением. – Она простая девчонка. Откуда у неё силы. Вон, даже с «эхо» не справилась.

Чем больше я слушала их перепалку, тем больше мне становилось понятно – Алекс Хром меня искренне ненавидит и делает все, чтобы выдавить меня из АКОПОС и академии. А ещё что он мне очень многого недодал по части образования. Чем я ему так насолила, в голове не укладывалось. А защита Соловья вообще смутила и вызвала неловкость. Обычно он заносчивый и наглый, а тут из-за меня ему челюсть сломали.

Но мне крайне необходимо остаться в АКОПОС, а обучение в академии Парамагии теперь вопрос не просто принципиальный, а краеугольно важный. Иначе я окажусь на улице, да ещё и со стертой памятью. Не выпустят же меня из АКОПОС просто так. Так что мне ничего не оставалось, как выкрикнуть:

– Подождите все! Командир Спрутовская, разрешите рассказать, как все было.

И после её кивка я подробно поведала все, начиная с моего обучения, заканчивая побегом от подземных жителей Подгорода.

Спрутовская слушала меня внимательно, под конец рассказа её брови вразлет сдвинулись на переносице, она потерла подбородок и заключила:

– Значит, Ярослава Воронцова пропала из-за вас обоих.

Соловей болезненно поморщился – сломанная челюсть распухла и мешала нормально говорить.

– Почему из-за обоих? – не понял он и послал Алексу гневный взгляд.

– Потому, – пояснила Виолетта, – что агент Алекс должен был как следует передать ей базисы активной защиты, а ты, агент Разбойник, должен был смотреть за ней во все глаза. Я хотела её отправить с экспедиционной группой в Небулан, а ей не привито элементарных навыков. Где ещё только агент Валовой шатается. Он в походе на Буферный рынок был вообще за главного. Штрафа не избежит точно.

От сообщения, что Миха из-за меня получит штраф, меня всколыхнуло и стало не по себе. Уж кто, кто, а Миха из всей этой троицы ко мне самый лояльный.

– Не надо, – взмолилась я, – пожалуйста. Миха меня везде спасал и всюду следил. Это я сама потерялась. Он не виноват. Пожалуйста, не штрафуйте его.

Левая бровь Спрутовской чуть приподнялась, командир хмыкнула.

– Хм. Однако. Ладно. Учитывая обстоятельства, прощу ему этот огрех. Но если за ним ещё что-то такое…

– Да он же лучший медведь в АКОПОС, – снова начала защищать его я.

– Ясно, ясно, – отозвалась Спрутовская и отмахнулась от меня руками и щупальцами. – Ты защищаешь всеми любимого медведя. Ладно. Главное перед Свирэль с этим не мельтеши. У эльфиек отменная память. И злые они по натуре.

– Спасибо…

– Далее, – продолжила командир Спрутовская, – по утере ятп с тебя отчет, Ярослава. Ты хоть и студентка академии Парамагии, но числишься и как агент АКОПОС. Так что ответственность за инвентарь и обмундирование на тебе ровно такая же, как и на остальных. Ясно?

Я сглотнула вязкую слюну.

– Да…

– Также вечером посетишь лекаря. Пускай проверит, что сделала с тобой подгородский шаман. Думаю, ничего серьезного, сильной магии у Подгорода нет. Но провериться стоит. Соловей, тебе тоже к лекарю.

– Хорошо, командир Спрутовская, – ответила я за обоих.

– Но это не все, – уже с привычной строгостью продолжила командир Спрутовская. – Как выяснилось, Ярослава действительно плохо подготовлена. Это надо немедленно

исправлять. Такая ситуация повториться не должна. Агент Хром, твоя прямая обязанность подготовить Ярославу по предмету боевой магии. Остальное расписание я сама ей пересоберу.

Алекс дернулся, все ещё сжимаемый в щупальце Виолетты.

– Но командир, она…

– Не обсуждается, – отрезала Виолетта. – И вон из моего кабинета. Чтоб без происшествий. Это понятно?

Агенты посмотрели друг на друга с плохо скрываемой враждебностью, потом Алекс перевел взгляд на меня, и я прочитала в нем гнев и решимость, от которых по моей спине прокатилась зябкая волна.

– Понятно, – друг за другом проговорили агенты, и только после этого командир Спрутовская опустила их на пол.

– Прекрасно, – сказала она. – А теперь займитесь делом. Потому что у меня их из-за вас значительно прибавилось.

Втроем мы покидали кабинет Виолетты в гробовом молчании. Но только его дверь закрылась, Алекс Хром резко развернулся ко мне и проговорил с нажимом:

– Я сотни раз говорил, что тебе здесь не место!

Я отшатнулась назад, а Соловей встал между нами.

– Хром, отвали от неё, а? – с болезненным, но угрожающим хрипом произнес он. – Чё ты к девчонке пристал?

– А сам-то почему за неё вступаешься? – скривился Алекс. – Завел себе новую подружку? Да кто ж против. Толь-

ко вне работы.

– Хром, заткнись. Нарвешься, – морщась от боли, проговорил Соловей.

Если они снова сцепятся, то у меня разнять их точно не получится. Я снова вступилась:

– Не надо, пожалуйста.

Оба фыркнули, как дикие быки, а Алекс выглянул из-за Соловья и впился в меня взглядом своих светлых глаз.

– Я сделаю все, чтобы ты не сдала контрольную по предметам в академии Парамагии. А ты, Сол, ещё раз такое себе позволишь – вообще убью.

После чего развернулся и широкими шагами зашагал по коридору прочь.

Глава 3

Соловей меня самолично отвел до дверей комнаты, по пути бормоча ругательства в сторону Алекса Хрома, благодаря чему я узнала множество старославянских ругательств. Даже не знала, что можно так сказочно и красиво ругаться.

– Вот же негораздок суемудрый, буня коломесъный. Надо ж быть таким королобом… Такой опасности подвергать человека… А сам?

– А сам? – вторила я на автомате, потому что не знала, что сказать на его живописные вещания.

– А сам куёлда и мордофиля! Вот что! – кряхтя и морщась от боли, выдавил он.

Кто такой куёлда и мордофиля, я не знала, но, видимо, кто-то неумный и сварливый.

– Сол, – решила я прервать поток старинной брани, когда мы остановились возле двери в мою комнату, – а почему ты мне помогаешь? Нет, ты не подумай, мне нужна и важна твоя помощь. Просто хочу знать, что нет подвоха.

– Его и нет, – сообщил Соловей перекошенным ртом. – Мне, как никому другому, хорошо известно, что такое пробиваться и доказывать всем вокруг, что ты достоин и годен.

– Вот оно как… – протянула я.

– Алекс противник серьезный, – добавил Сол, – но я верю, у тебя получится. Ты уже здесь. Теперь докажи им, что не за

красивые глазки. Я, чем смогу, помогу.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я.

– Судя по всему, сейчас ты будешь по большей степени занята в академии Парамагии, так что дела АКОПОС отойдут на второй план, – проговорил Соловей, придерживая распухшую щеку. – Но все равно будь наготове в случае чего.

– Хорошо.

– Ладно, Воронцова, пойду писать объяснительные. После твоего исчезновения мы с Михой подняли на уши весь Подгород.

– К лекарю не забудь зайти, – посоветовала я.

– Да уж не забуду.

Когда Соловей ушел, я еще пару секунд стояла и смотрела на опустевший коридор. Сегодня у меня совершенно четко обрисовались союзник и противник. И хорошо, что хотя бы так, потому что раньше у меня были только те, кто меня недолюбливал. А теперь хотя бы Соловей. Ну и Миха, если не разозлился на меня за то, что огреб по моей милости.

Войдя в комнату, я никак не ожидала найти там Дубраву. Она расселась на моей кровати и с увлечением листает один из фолиантов.

– Ты что, все это время сидела здесь? – изумилась я.

– Ой, прости, – заторопилась Дубрава. – Просто я не могла уйти и не узнать, что случилось и что все это значит. Я слышала голос за дверью. Тебя привел агент Разбойник? Да?

– Угу, – отозвалась я и вдруг ощутила жуткую усталость.

Беготня предыдущего дня и невыспанность дали о себе знать. К тому же я не помню, когда последний раз ела, а это тоже не добавляет сил. Я прошла к креслу и обессиленно в него рухнула.

– Дубрава, я очень устала…

– Нет, нет, и ещё раз нет, – решительно заявила зеленоволосая лесовичка. – Никаких «устала». Шутишь? Ты весь АКОПОС и академию перевернула с ног на голову, а теперь спрятаться решила?

– Ну что ты от меня хочешь, а? – взмолилась я.

Дубрава выпучила на меня свои глаза травяного цвета и проговорила:

– Как что? Подробностей!

– Ну каких ещё подробностей, – устало протянула я, уже понимая, что отделаться от Дубравы не получится.

– Всех! – решительно сообщила она.

Я попыталась сделать жалобное выражение лица, надеясь, что хоть это вызовет в ней сочувствие. Но Дубрава помотала головой и проговорила:

– Возражения не принимаются.

– Я вообще-то голодная, – произнесла я вяло. – Сил нет рассказывать.

Дубрава всплеснула руками и почему-то радостно воскликнула:

– Так пойдем в столовую! Как раз обед идет.

Пришлось подниматься с такого мягкого и уютного крес-

ла, переодеваться в чистое, ведь со вчерашнего дня я до сих пор в той же одежде, которую утащила из кладовки Подгорода и в которой плавала в Девонском море. А затем тащиться за Дубравой через коридоры в столовую академии.

– Хорошо, что ты надела эти голубые брюки и блузку, – вещала Дубрава. – Даже не знаю, откуда ты взяла те страшные штаны и балахон.

– Лучше и не знать, – отозвалась я глухо.

– Так что с тобой произошло? – спросила Дубрава, когда мы уже входили в столовую академии.

Я раскрыла рот, но воздух застрял в горле, потому что все, кто находился в столовке, а народу на обеде здесь всегда прилично, разом уставились на меня и замолчали. Ощущения не понравились – никогда не любила, когда на меня глазеют. Пришлось натянуть улыбку и потянуть Дубраву за рукав.

– Пойдем быстрее, на меня пялятся, как на чудо дивное.

– Ты сейчас и есть чудо дивное, – отозвалась Дубрава, но поддалась моему натиску, и мы прошли ко столу раздачи.

К моему облегчению, народ все же вернулся к своим делам, хотя я буквально кожей ощущала, что половина студентов академии активно обсуждает именно меня. Что ж, пора привыкать к тому, что белой вороной я буду здесь долго.

На обеденный поднос сегодня поставили большую тарелку куриного супа, салат из свежих овощей, рыбную котлету, компот из вишни и булочку с вареньем.

– Сытно, – заметила я.

– Повар получила новую рецептуру, – пояснила Дубрава, когда мы сели за дальний столик в углу, чтобы на меня поменьше пялились. – теперь в обед можно наесться от пуза.

Обед и правда по вкусу стал такой, что пальцы оближешь. Я умяла первое и второе, и только насытившись, медленно приступила к булочке и компоту.

– Ну не томи уже, – не выдержала Дубрава. – Я и так ждала все утро, потом всю дорогу по коридорам, а потом, пока ты поешь. Рассказывай.

Пришлось поведать Дубраве о моих приключениях в Девонском море и Подгороде. О том, как Алекс и Соловей сцепились из-за меня в кабинете Спрутовской умолчала, как и о том, что командир настояла на моем протежировании. Мне уже и самой стало интересно, чем я её так заинтересовала, если она меня всеми силами покрывает.

– Обалдеть! – с восхищением выдохнула Дубрава, с открытым ртом выслушав мою историю. – И ты видела Буферный рынок?

– Видела.

– И Девонское море.

– И море.

– И попала в лапы к подгородцам?

– Угу.

– Вот это я понимаю, приключения! – заключила Дубрава.

Я методично жевала булочку, запивая компотом.

– Знаешь, – проговорила я, проглотив сладкий комок, –

не уверена я, что с моей подготовкой можно попадать в такие приключения. Я, конечно, человек авантюрный, но вот поверь – никакого удовольствия, в том, что тебя пытаются продать в рабство или насильно осеменить, нет.

Дубрава быстро закивала и протараторила:

– Ты права, права, конечно. Но ты же понимаешь, как это круто? Никто из студентов академии даже близко не подходил к Девонскому морю. Да что там! Никто даже не знает, как к нему спуститься!

– Серьезно? – не поверила я.

– А ты думаешь, каждому студенту выдают карту проникновения в один из опаснейших районов иной Москвы?

– Ну…

– Да прям, – усмехнулась Дубрава легким, как ветеров в листве, голосом. – Они бы уже нашли и вляпались бы в какие-нибудь неприятности.

– Неприятности бы их сами разыскали, – хмыкнула я.

Дубрава сегодня общительнее, чем обычно, хотя она вообще довольно дружелюбна. Но тема с моим исчезновением её взбудоражила так, что её болтливость повысилась до красной зоны. Даже волосы совсем позеленели и как водоросли шевелятся на макушке.

– Ярослава! Ты жива! – раздался знакомый мягкий голос справа.

Мы с Дубравой разом оглянулись. К нашему столу широкими шагами направлялся брат Дубравы – Ясень. Такой же

зеленоволосый, как сестра, в белой майке, красиво подчеркивающей его сухие, мускулистые плечи, в зеленых штанах и традиционно босой.

Я не ожидала, что он меня обнимет. Но именно это Ясень и сделал – подошел и, наклонившись, крепко обхватил меня крепкими руками, а затем сел напротив рядом с Дубравой.

– Мы все так за тебя переживали, – с нескрываемой заботой сообщил он. – Тебя не было почти сутки. И никто не знал, где ты находишься. Скажи, ты в порядке?

Такое участие от лесовика меня тронуло и смутило одновременно. Вообще я давно заметила, что он как-то слишком уж дружелюбен ко мне, но пока не поняла, это у них вариант нормы или такое внимание исключительно к моей персоне.

Мне по второму кругу пришлось поведать историю своей пропажи и появления. Ясень слушал с таким же воодушевлением, что и Дубрава. Только меньше охал и взмахивал руками. Когда закончила, он начал говорить слова сочувствия и поддержки, а я решила, что трех пересказов моей прогулки через Буферный рынок и Подгород вполне достаточно. Остальное довершат сплетни. Они и без меня уже наверняка разлетелись по всей академии Парамагии и АКОПОС.

Часы на стене столовой показали начало второго, Спрутовская рекомендовала посетить гнома-лекаря. Правда вечером, но, может, у него и сейчас есть время. Но только я собралась подняться и встать, как в столовую вошел высокий парень с длинными темными волосами и необычно ка-

рими глазами. Они так выделяются на фоне его светлой кожи, что показались мне фонарями. Свободные черные штаны подчеркивают узкую талию, а черная футболка в облипку довершает дело.

Сама не поняла почему, но взгляд мой задержался на его лице – стройном, точеном, каком-то странном. Красивый, это однозначно. Но от такой красоты веет жутью. Не хотелось бы мне столкнуться с ним ночью в коридоре.

– Это кто? – поинтересовалась я и кивнула в сторону вошедшего. – Что-то не помню его среди студентов.

Брат с сестрой оглянулись.

– Где? – спросил Ясень. – А этот. Это по обмену. Новенький.

– Новенький? – не поверила я. – Мне казалось, что в академию Парамагии просто так новеньких не берут.

Но Дубрава подтвердила.

– Ага, по переводу из другого мира. Правда не знаю точно, из какого. Да и какая разница? Если по переводу, значит официально.

Мой взгляд снова скользнул по точеной фигуре неизвестного. Он тем временем прошел ко столу раздачи и взял поднос с обедом. Затем прошел к пустому столу и опустился за него. Не знаю, что так привлекло мое внимание, но отвести взгляд от него трудно.

– Кажется, Ярослава запала на новенького, – хихикнула Дубрава.

Я вспыхнула и едва удержалась, чтобы не подпрыгнуть на месте.

– Да ничего я не запала, – поторопилась объяснить я ей. – Просто… не знаю. Вид у него такой…

Судя по широкой улыбке Дубравы, менять мнения она не собиралась.

– Да ну признай, – довольно проговорила лесовичка, – понравился. Чего тут такого? Он же красивый. Смотри, какая фигура. А личико. М…м...м…

– Если честно, у меня от него мурашки, – совершила я ещё одну попытку вразумить однокурсницу.

Но так лишь снова хихикнула.

– Ещё бы. Такой миленький и брутальный одновременно. У меня бы тоже от него бегали мурашки. Но, к сожалению, меня интересую только блондины. А этот слишком жгучий для меня. Так что, Яра. Путь свободен. Только не зевай, а то на него многие девчонки голодные взгляды бросают.

– Да не интересует меня этот… – начала я и запнулась, ощутив, как слова застряли в горле, потому что этот новенький оглянулся и посмотрел прямо на меня.

И без того крупные мурашки на моей спине превратились в громадных жуков и холодным табуном прокатись снизу вверх, я резко отвернулась к стакану и сделала вид, что крайне озабочена тем, что осталось от компота.

Дубрава не поняла моей реакции и похлопала ресницами.

– Яра, ты чего?

– Он на меня посмотрел, – прошептала я.

Губы лесовички снова стали расползаться в улыбке.

– Ааа… – протянула она, – так ты просто…

– Нет, – оборвала я её. – Не просто. Я говорю, что у меня от него мурашки. И совсем не те, о которых говоришь ты.

Моя резкость Дубраву осадила, лесовичка замолчала и с непониманием обернулась к брату. Тот только пожал плечами. И правильно, нечего лезть в мою жизнь, если я в неё не приглашала. Но долго изображать недотрогу я не собиралась. Лесовики пока единственные мои друзья в академии, и ссориться с ними глупо.

– Простите, – прошептала я и допила компот. – Просто на меня в последнее время столько всего навалилось.

Они снова переглянулись, когда Ясень заговорил, в его голосе я уловила теплые нотки. Ну и славно, значит не злится.

– Мы понимаем, Яра, – сказал он. – Ты ещё слишком неподготовленная, чтобы попадать в такие переделки.

– Пойдешь к учителю Ананде? У нас сейчас по расписанию медитация и йога, – спросила Дубрава.

Расслабление и медитация сейчас именно то, что мне нужно, поэтому я сказала:

– С удовольствием.

Мы забрали подносы с пустыми тарелками и понесли к полкам. На новенького я старалась не смотреть. Но все же, когда проходили мимо него, ощутила, как снова забегали непонятные мурашки по коже. Я осторожно оглянулась и

снова ощутила озноб – новенький опять смотрел на меня.

– Какая жуть, – шепнула я Дубраве. – Пойдем отсюда.

Всю дорогу по коридорам академии я думала об этом странном новеньком. Вид у него тот ещё. Безусловно, красавчик. Но это почему-то пугает. Бывает такая красота, от которой хочется бежать без оглядки. Она граничит с жестокостью и вызывает беспричинный страх. Самое неприятное, что этот новенький зачем-то пялился на меня. Впрочем, после всего, что со мной приключилось, это даже не удивительно, но все равно странно.

Потом мне в голову полезли мысли об Алексе Хроме, который пообещал, что не даст мне здесь учиться и работать. А это основная моя нынешняя проблема. Остается только работать и учиться изо всех сил. Радует только, что не все в этом дивном месте желает моего провала.

С такими тяжелыми мыслями я и вошла в аудиторию учителя Ананды. Студенты уже расселись по своим подушкам, а учитель Кишан Ананда, увидев, как мы входим, раскинул все свои четыре руки, а на синем лице заиграла дружелюбная улыбка.

– Вот и вы, – сказал он так, будто только нас и ждал. – Занимайте свободные подушки. Сегодня в нашей медитации мы будем пробовать приблизиться к состоянию Нирудха.

Я заприметила подушки у дальнего края аудитории и кивком указала на них. Пока мы на цыпочках пробирались мимо сидящих в позах полулотоса студентов, я успела заме-

тить здесь знакомых. Стало немного легче – значит занятия у вновь прибывших проходят примерно в одном потоке. Но мысль, которая догнала меня, когда села на подушку, прошила молнией. Правда озвучить её не успела, потому что объект этой мысли самолично вошел в аудиторию, а меня снова обдало мурашками.

– Ещё один студент? – удивился учитель Ананда, а потом будто вспомнил и продолжил: – Ах, да. Вы же по обмену. Напомните ваше имя.

Большинство студентов сидели с закрытыми глазами, но я во всю таращилась на темноволосого парня в черном и с пронзительно-карими глазами. Выражение его лица я бы охарактеризовала как «ничто». С этим «ничто» он быстро оглядел аудиторию, по мне лишь скользнул взглядом, но даже от этого мимолетного действия мне стало не по себе.

– Биан Ас, – представился он, и я впервые в жизни услышала такой глубокий и обволакивающий голос. – Из академии «Шаритэ»

– «Шаритэ»? Надо же. Это одна из самых далеких и закрытых академий этой реальности. Хм, а у вас интересная фамилия, – заметил учитель Ананда. – Как начальная часть от слова «асур». Вы знаете, кто такой асур?

Бесстрастное лицо Биана Аса осталось таким же спокойным.

– Никак нет, учитель Ананда, – ответил он ровным тоном.

– Занимайте свободную подушку, – порекомендовал учи-

тель, а когда Биан пересек зал и сел на другой его стороне, Ананда стал говорить дальше: – Когда мир был открыт для энергий и магических потоков, в нем жили асуры. В одно время их считали богами, в другое – демонами. Те, кто из вас знаком с фолиантами по «Ригведе», наверняка помнят имена Агни, Митра…

– Варуна, Сурья, – продолжил кто-то из студентов.

– Совершенно верно, – кивая согласился учитель Ананда и удовлетворенно поднял палец левой нижней руки. – «Асур» означает – обладающий жизненной силой. Сила сама по себе не может быть злой или доброй. Вопрос в том, как она применяется. Так что кем считать асуров, богами или демонами – право каждого.

Незаметно я посмотрела на Биана. Тот уже закрыл глаза и выглядит, словно во всю медитирует. Но у меня сложилось впечатление, что он внимательно следит за всеми, кто сидит в аудитории.

Несколько мгновений я наблюдала за его неподвижной фигурой, потом тряхнула головой. Хватит. Это уже какая-то паранойя. Понятное дело, после случившегося меня накрывает страхами, к тому же шаман в Подгороде что-то надо мной наколдовал и надо действительно сходить к лекарю. Но нельзя же теперь в каждом видеть врага и вздрагивать от любого шороха.

Учитель Ананда тем временем стал прохаживаться между студентами и говорить спокойным и мягким голосом.

– Расслабьте свое тело, позвольте мыслям течь свободно. Не думайте их, просто наблюдайте.

– Как можно не думать мысли? – выкрикнул курчавый парнишка из центра зала, и на него все сразу зашикали. – Они же на то и мысли, чтоб их думать.

Учитель Ананда мягко улыбнулся.

– Это говорит твой беспокойный ум, – сказал он. – Он всегда заставляет тебя тревожиться. Суть медитации в том, чтобы перестать думать. Остановить внутренний диалог и ощутить, как энергия мира течет и через тебя. Потому что ты и мир – единое целое.

– Всё равно не понял.

– Не переживай, многие не понимают, – усмехнулся учитель Ананда. – Но ваша задача стремиться к этому единению. Именно таким образом вы ощутите энергию, которую вы привыкли называть магией.

В отличие от большинства студентов, которые во всю пытались медитировать, я внимательно слушала учителя, потому что привыкла прежде, чем за что-то браться, изучить матчасть. Я подняла руку.

– Да? – разрешил мне заговорить учитель Ананда.

– По вашим словам выходит, что каждый человек обладает магией? – спросила я.

– Совершенно верно.

– Даже самые обычные люди? – не поверила я. – Простые работники офисов, грузчики, строители?

– Все, – уверенно сообщил учитель Ананда с улыбкой.

У меня в голове это не укладывалось, я продолжила:

– Но тогда почему никто не пользуется ею? Если рядовой грузчик умел бы колдовать, он бы вряд ли таскал мешки руками.

Улыбка учителя Ананды стала ещё теплее, он раскрыл нижние руки и ответил:

– Вас в аудитории пятьдесят человек из разных видов и даже миров. Кто-то уже родился с базовыми навыками, а кому-то пришлось трудиться, чтобы их проявить. И вы те немногие, кому удалось раскрыть заложенное в каждом от природы.

– То есть в теории, вот это всё раскрыть в себе может даже грузчик? – не отставала я.

– Разумеется, – согласился учитель. – дело лишь в энергиях ума и его состояниях. Мы знаем три его энергии: тамас, раджас и саттва. Первая бездельная и тормозящая, вторая страстная и пробуждающая, третья уравновешивающая и гармонизирующая. Как вы понимаете, в третьем находится очень немного людей.

Я кивнула, учитель Ананда продолжил:

– А состояний мы выделяем пять. Мудха – темное и заторможенное, Кшипта – рассеянное, Викшипта – честолюбивое, Экагра – сосредоточенное и наблюдательное. И Нирудха – это состояние полного контроля, в нем вы сможете видеть настоящее, прошлое и будущее, открыть в себе маги-

ческие силы и сверхсознание. Как вы понимаете, последнее состояние доступно очень немногим, но все, кто сидит в этой аудитории уже на верном пути.

Задумавшись, я прикрыла веки. Если верить словам учителя Ананды, каждый человек на земле имеет магические способности. Просто не все их в себе раскрывают. Если так, значит я тоже могу прокачать свой потенциал и не вылететь из академии Парамагии. Получилось же у меня в Подгороде заклинание «эхо». Пускай один раз, но все же. Да и с помощью фолианта я умудрилась влезть в сознание к проклятой твари. Конечно, может быть все дело в самой академии или агентстве, и это они влияют на силу моих стараний. Но в Подгороде-то я была далеко, а «эхо» получилось.

Значит у меня действительно есть шанс.

Сосредоточившись, я стала пытаться выполнить наставления учителя Ананды. Но не следовать за мыслями оказалось сложнее, чем можно представить. Я думала, что не думаю, но потом ловила себя на том, что думаю о том, будто не думаю. И так повторялось по кругу, пока я не выбилась из сил.

Разочарованно выдохнув, я разомкнула веки и огляделась. Судя по напряженным лицам студентов, сложности с достижением Нирудхи не только у меня. Дубрава рядом тужится изо всех сил, на щеках выступили зеленые пятна, Ясень морщится и играет бровями.

Мой взгляд невольно упал на новенького. Он сидит спокойный и ровный, будто вообще не напрягается. И непонят-

но – то ли он достиг этой самой Нирудхи, то ли прислушивается к другим. Не знаю, чем меня так озаботил этот Биан Ас, но мысль держаться от него подальше показалась здравой.

– Не расстраивайтесь, Ярослава, – вырвал меня из задумчивости учитель Ананда. – Привести ум в состояние Нирудхи получает не у всех и не сразу. Но вы уже неплохо продвинулись в верном направлении.

– В каком смысле? – не поняла я.

Когда учитель кивком указал на меня, я опустила взгляд и охнула. Оказалось, что сидя в позе полулотоса я парю над своей подушкой. Не высоко, всего сантиметра на два от неё. Но все же – я парю!

– Очуметь! – выдохнула я в изумлении.

Моментально моя левитация оборвалась, и я шмякнулась обратно на подушку. Учитель Ананда улыбнулся.

– Не все сразу, но постепенно, – глубокомысленно произнес он.

Остаток занятия я пыталась повторить опыт левитации, но сколько ни пыжилась, не взлетела даже на миллиметр.

Когда занятие окончилось и мы вышли из аудитории, я хоть и чувствовала себя уставшей, но настроение значительно улучшилось. Да, передо мной все ещё препятствие в виде ненависти Алекса Хрома. Это если не считать, что Спрутовская переживает за происходящее между мирами. Но сегодня у меня много и хороших новостей. Кроме того, что у меня есть друзья и союзники, выяснилось, что абсолютно

все люди обладают магией. Нужно лишь до неё докопаться.

В окна коридоров солнце светило мягким, золотистым светом и медленно клонилось к закату. Я глянула на часы и не поверила глазам. Оказалось, в зале учителя Ананды мы просидели четыре часа. Не удивительно, что у меня так ноют колени.

Дубрава шла рядом и вещала Ясеню о медитации и о том, как у неё здорово всё получается. Потом вдруг развернулась ко мне и проговорила:

– А ведь я тоже видела, как он на тебя смотрел.

– Кто? – не сразу сообразила я.

– Да новенький! – досадуя на мою несообразительность, объяснила Дубрава. – Биан этот. Пока ты сидела в медитации, я открыла глаза, чтобы перенастроиться. И увидела, как он таращится на тебя.

Мои плечи невольно передернулись, я ответила:

– А я тебе говорила, он какой-то… С приветом.

– Угу, теперь и мне так кажется, – согласилась Дубрава. – Его взгляд был прикован только к тебе. Жуть.

Ясень слушал нас с вялым интересом, когда мы дошли до разветвляющейся лестницы, он сказал:

– Вечно вы понапридумываете себе ерунды, девочки. Парню просто понравилась Яра, вот и пялится. Ладно, у меня встреча с парнями в саду. Занятия закончились на сегодня. Со мной хотите?

Дубрава вскинулась и захлопала в ладоши.

– Ой, я пойду! Пойду!

У меня же сил на тусовки не осталось совсем, я до сих пор нормально так и не отдохнула после всего.

– Я хочу выспаться, – ответила я, качая головой.

– Как знаешь, – улыбнулся Ясень.

Брат с сестрой ушли вверх по левой лестнице, а я отправилась в лекарский корпус по правой.

По памяти нашла его довольно быстро. Знакомый гном-лекарь с длинной бородой, прикрывающей пузо, встретил меня добродушным возгласом.

– О, снова ты, болезная моя? Чего на этот раз?

Я развела руками и обрисовала ему ситуацию.

– Шаман Подгорода, говоришь? – прищурившись переспросил лекарь.

– Угу.

– Пф! – хмыкнул гном-лекарь. – Тоже мне, маги магические. В горниле я их видал. Садись на кушетку, счас осмотрю тебя, болезная. Одёжу можешь не сымать.

Я послушно уселась на кушетку, радуясь, что обошлось без раздеваний, а гном, бормоча, чему-то покивал и убежал в другую комнату.

Пока сидела, солнечные лучи в окне приятно согревали плечи, я даже расслабилась. Но ненадолго, потому что дверь в лекарскую вдруг открылась и на пороге возникла…

– Свирэль? – растерянно произнесла я.

Глава 4

Вместо приветствия эльфийка в красном комбинезоне, обтягивающем её так туго, что грудь вот-вот сама выскочит, с шипением бросилась на меня.

– Ах ты вредительша!

Её миниатюрный, но уверенный кулак пронесся мимо меня за секунду перед тем, как я успела увернуться.

С кушетки я буквально свалилась, зацепив при этом треножную полку, с которой на пол загремели склянки и приборы.

– Я тебя придушу! – разъярилась Свирэль и снова ринулась на меня с атакой.

Убегать от эльфийки, которая отличается не только злостью, но и скоростью, получалось плохо. Пришлось перевернуть кушетку и загораживаться ею, как щитом, отражая быстрые атаки Свирэль.

В смотровую вбежал перепуганный гном с зелеными склянками в обеих руках.

– Что за раскудрыть тут творится?! – вскричал он гулким басом. – А ну прекратить потасовку!

Я пропищала, выдерживая очередной налет эльфийки на кушетку:

– Это она! Она начала!

– Да я её в порошок сотру! – шипела остроухая.

– Я тебя саму в порошок обращу, коли не прекратишь! – гаркнул гном. – А ну стоять по углам, кому говорят!

Угроза превратиться в пыль на эльфийку подействовала. Все ещё щуря бешеные глаза, которые сейчас аж светятся фиолетовым, она, тяжело дыша, нехотя отошла от меня и сдула со лба выбившуюся белокурую прядь.

Гном упер кулаки в бока и, пройдя вперед, встал между нами.

– Ну, сказывай теперь, в чем дело?

Я осторожно вылезла из-за своей баррикады и сообщила со всей жалобностью:

– Да не знаю я. Она вошла и напала.

Гном развернул сердитое лицо к эльфийке.

– Ну?

– Из-за этой выскочки Мишеньку оштрафовали! – буквально выплюнула она. – Не надо было ему вообще с ней связываться. Выскочка! Только проблемы от неё одни!

Меня как обухом по голове ударили. В первую очередь потому, что сказанное Свирэлью, по сути, правда. Я действительно выскочка. А если из-за меня ещё и Миха получил штраф… А ведь Спрутовская обещала, что не станет его наказывать.

– Так, – произнес грозно гном, – остроухая, иди работай. Здесь у меня лекарня, а не бойцовский клуб. А хочешь выяснять отношения, делай это как культурное создание, а не помойная кошка.

Сиреневые глаза Свирэль сверкнули, она гневно зыркнула на гнома.

– Следи за языком, метр с кепкой, – огрызнулась она.

– Я слежу, слежу, – отозвался гном, – и ты следи. Ясно? И теперь вон отсюда, если ничего не болит. А если заболит, приходи.

Свирэль зло рыкнула и, поправив необъятную грудь, резко развернулась и вышла из лекарской.

У меня колотилось сердце. Не только от того, что едва не огребла от взбешенной эльфийки, но и от стыда, который буквально прожигал во мне дыру. Миха мне во всем помогал, вступался, из Девонского моря вытащил, а ему из-за меня вменили штраф. За что? Он же не виноват ни в чем.

Гном тем временем подошел и смешал содержимое склянок.

– Ничо, – сказал он, – не куксись. Ну влепили ему штраф. И что? Сам виноват, если потерял подопечную. Будто ему впервой.

– Я сама убежала… – шмыгнула я носом.

– А надо было лучше смотреть, чтобы не убежала, – проговорил гном и протянул мне склянку. – Пей.

– Что это?

– Дымку сладострастия с тебя снимет, – усмехнулся он, а на мой непонимающий взгляд добавил: – Этот недошаман в Подгороде не заблокировал твои способности, а попытался наложить дымку сладострастия. Видать, чтобы ты воспылала

страстию великой и отдалась кому-то.

Мое лицо невольно скривилось, едва вспомнила лысого отпрыска смотрителя Подгорода. Я схватила склянку и залпом её осушила.

Гном, усмехаясь, крякнул и отправил меня из лекарской с наставлением не попадаться первое время на глаза Свирэли. Сказал, что она вспыльчивая, как вулкан, но отходчивая. Надо только дать время.

Поэтому в спальный корпус я пробиралась перебежками, оглядываясь и прячась за углами. Когда добралась до своей комнаты, воздух в ней оказался таким холодным, что пришлось активировать гномий камень. К счастью, делалось это просто – нужно лишь потереть его с любого бока. Затем переоделась в майку с шортами и, забравшись под одеяло, моментально уснула.

Снилась мне какая-то дикая ерунда, причем невероятно яркая и реалистичная, как это иногда бывает в очумелых снах. Но, несмотря на это, проснулась я выспавшейся и очень бодрой. Правда в три часа ночи. Что не удивительно, ведь спать я легла, когда ещё не было и шести вечера.

Сев на постели, я покрутила головой. В комнате тихо, только гномий камень иногда пощелкивает, разогревшись сверху докрасна. За окном звездное небо, и слишком свежий ветер колышет шторку у форточки.

Я снова легла и попробовала уснуть. Но, как ни старалась, ничего не выходило – организм полностью восстановился и

спать не хочет.

– Ну здорово, – пробормотала я под нос. – Теперь буду полуночничать.

Походив по комнате туда-сюда, я села читать фолиант по истории миров – неплохое начало для той, кто вообще ничего не знает о реальной картине мира. Фолиант так и назывался «Межмировая история».

Начало меня ошарашило уже тем, что, оказалось, человечество существует гораздо больше времени, чем преподают в школах. Я узнала, что прежде мы обитали, кто бы мог подумать, на Марсе, который тоже не был родным для человечества. До него люди жили на далекой планете в созвездии Лиры. Её пришлось покинуть из-за разрастания звезды и с помощью мощного портала перебраться на Марс. Долгие тысячелетия человечество спокойно обитало на нем. Но потом развязалась война с миром восемнадцать-четыре, где живут какие-то демоны-переростки. Планета иссохла и стала непригодна для жизни. Совет из Семи магов был вынужден объединить усилия и терраформировать Землю, чтобы переселить остатки человечества на неё. Произошло это несколько (я глазам не поверила) миллионов лет назад, когда на Земле во всю царствовали динозавры. Для магов климат планеты подходил с переменным успехом. Чтобы прижиться на ней, пришлось с помощью магических энергий взять у местных животных клетки и встроить их в тела магов. Самыми подходящими для этого животными оказались земные при-

маты. Их гены позволили рожденным уже на Земле магам эффективно адаптироваться. Но из-за этой интеграции у людей стали возникать проблемы с проявлением магии. При этом существа, которых совет Семи магов в первозданном виде перенес на Землю, стали для новых людей плохо различимы. Они почти перестали видеть леших, фей, русалок и остальные разновидности рас. Но жертва в виде способности зреть магических существ и проявлять магические же свойства была необходимой. Чтобы не растерять остатки волшебства, совет учредил несколько магических академий по всей Земле. С тех пор они регулярно пополняют ряды студентов теми, в ком проросли зерна магии.

Обалдевшая, я отложила книгу и уставилась в блестящий от жара гномьего камня пол. Все, что я прочла, так сильно меняло концепцию мироздания, что я с трудом верила.

– Выходит, человек не произошел от обезьяньего предка, – пробормотала я. – Просто маги взяли у него кусочек, чтобы адаптироваться к Земным условиям. А это значит…

Это значит, у меня действительно внутри есть магия! Настоящая! Мне лишь надо до неё докопаться!

От возбуждения я подскочила и стала бегать по комнате. На месте сидеть не получалось, мне срочно требовалось что-то сделать. И я не придумала ничего лучше, чем натянуть спортивные штаны, футболку и выбежать из комнаты. Я помнила, что за садом, где Пересвет и Лебедь устраивали батл, есть тренировочный зал. Как раз то, что нужно, чтобы

выпустить пар.

По опустевшим коридорам и лестницам я пронеслась, как ураган, а выбежав в сад, вдохнула полной грудью свежий ночной воздух. Сейчас здесь необычно тихо и безлюдно, ухоженные деревья мирно стоят в полумраке, освещаемые лишь бледными сияющими шарами. На лавочке кто-то забыл вилы, наверное, какой-нибудь студент-сатир.

Все ещё возбужденная новостями, я пересекла сад и вошла в тренировочный зал. Здесь тоже полумрак, но света кварцевых кристаллов по углам достаточно. Они освещают беговой круг, небольшой ринг для спарринга, а также ряд обычных боксерских груш.

Мне всегда хотелось побить что-то такое. Не долго думая, я взяла в коробке боксерские перчатки и, натянув, стала неумело мутузить грушу. Перчатки меня спасали. Не только из-за того, что у них укрепленное запястье, но ещё и потому, что груша оказалась не такой уж обычной. Она, словно живая, крутилась, изгибалась и налетала в ответ. Так что через пятнадцать минут я признала победу за грушей и, отмахнувшись, скинула перчатки в коробку.

Обратно в сад я вышла мокрая, разгоряченная и очень довольная. Только собралась шагнуть на дорожку, как до ушей донесся шорох. Едва уловимый, но я уверена – мне не показалось.

Пригнувшись, я попыталась спрятаться за деревом, но когда обернулась, то почти налетела на широкую грудь в чер-

ном. А когда подняла голову – обомлела.

Новенький.

Он стоял передо мной и смотрел сверху вниз своими гипнотически-карими глазами, а капли пота на моей спине собрались в единый ручей и неприятно покатились вниз по позвоночнику.

– Э… – все-таки нашла в себе силы я выдавить хоть звук, – ты что здесь делаешь?

Биан не моргал, он продолжал смотреть на меня, будто пытается проникнуть под кожу.

– А ты? – с леденящим спокойствием спросил он в ответ.

– Я первая спросила, – торопливо сказала я и покривилась, осознав, как глупо это звучит. – Ну то есть, я здесь воздухом дышала.

– Ночь и впрямь чудесная, – произнес Биан равномерно.

Он все ещё смотрел на меня и не моргал. И чем дольше он это делал, тем больше не по себе мне становилось. А потом протянул руку и обхватил меня за талию. Мне бы сопротивляться, но силы меня почему-то покинули и я позволила Биану притянуть себя к нему. Одна его ладонь прижалась к моей спине, второй Биан провел по моим волосам, а затем… Потянул за них, насильно запрокидывая мне голову в бок и обнажая шею. Я должна была орать во всю глотку, но мой голос сковало ледяной лапой, и я лишь с бешенно бьющимся сердце наблюдала, как Биан все ниже и ниже склоняется над им горлом. А потом шею обожгло болью и…

Я подскочила на кровати, уронив все книги, что не убрала на полку. Сердце колотится, дыхание частое и с сипом вылетает из горла, а по лбу катятся горячие капли.

Это был сон? Просто сон? Для сна крайне реалистичный. Какая жуть…

Сглотнув пересохшим языком, я покосилась в окно – небо уже побледнело, а настенные часы показывают почти пять утра. Вот это вздремнула, а ведь думала, что выспалась и больше не хочу спать.

Все ещё дрожа, я сложила книги стопкой и убрала на полку, после чего вернулась обратно в кровать. В какой конкретно момент я уснула, вспомнить не получалось, и я не понимала – выходила я вообще из комнаты или нет. Оставалось надеяться, что уснула я до того, как слезла с койки, потому что не хотелось бы бродить по академии в качестве лунатика. Да ещё и когда в ней теперь учится этот…

При воспоминании о прикосновении Биана меня передернуло. Все было таким реальным и натуральным, что разум отказывался верить в сон.

До самого подъема я провалялась в кровати, не решаясь выходить из комнаты до тех пор, пока в дверь не постучала Дубрава.

– Яра! Яра, ты проснулась? У тебя на двери новое расписание светится. Ты пойдешь на Чароплетство?

Я соскочила на пол, быстро оделась в форму, которую мне, видимо, занесла вчера Дубрава и которую я не заме-

тила. Быстро глянула на себя в зеркало. Юбка-колокольчик в красную клетку чуть выше колен отлично села по талии. Голубую рубашку, на кармане которой вышито золотистым «Академия Парамагии», я заправила в неё, затем сунула ноги в черные мокасины и, цапнув сумку, вышла в коридор.

– О, – обрадованно выдохнула Дубрава, окинув меня довольным взглядом. – Форму носят не все студенты академии. Но тебе она идет.

– Серьезно? – с сомнением поинтересовалась я, уже пожалев, что нацепила одежду, в которой почти никто не ходит. Я и так белая ворона, а теперь ещё и нарядом буду выделяться. Вот же ж, будто я не видела, в чем тут учащиеся ходят.

Но Дубрава активно закивала.

– Абсолютно. На мне висит, как на вешалке. Я же лесовичка, у нас стройность граничит с тощестью. А на тебе сидит отлично.

– Если меня закидают помидорами, – предупредила я, – держись.

Дубрава хихикнула.

– Не закидают. Ты чего такая бука?

– Сны дурацкие снились, – отозвалась я и, развернувшись к двери, стала разглядывать расписание, которое сияюще-золотистыми буквами висит в воздухе перед ней.

Спрутовская обещала сама мне его скорректировать и ждать не заставила. Теперь у меня на неделе значатся пять занятий боевой магии у Алекса Хрома и столько же Чаро-

плетства у Бояна Чистослова. Три часа медитации у учителя Ананды, час межмировой истории у Данияра Ведуна, пространственной магии у Орфея Сократиса, превращение объектов у Лимонии Двуликой и физ-подготовка у Молота Бревнобоя.

Я пощелкала пальцем у уха, и список моментально перекочевал в мое переносное расписание.

– А что за сны тебе снились? – слишком уж сердобольно поинтересовалась Дубрава, когда мы двинулись по коридору.

Я покривилась. Рассказывать Дубраве о том, что мне приснился Биан, совсем не хотелось. Но не рассказать ещё хуже, она ведь не отстанет. Пришлось вздохнуть и выложить все.

От моего рассказа Дубрава пришла в такой восторг, что, когда она завизжала и захлопала в ладоши, проходящая мимо компания сатиров присвистнула и заулюлюкала.

– Я всё поняла! – выдохнула Дубрава.

Закатив глаза, я проворчала:

– Даже представить боюсь.

– Тебе надо зарегистрироваться в «Тайниках»!

– Чего?

Дубрава цокнула и выдохнула так, будто я самое недалекое существо во всех мирах сразу, и стала объяснять:

– «Тайники» – это такое приложение при академии Парамагии. Точнее не совсем, потому что официально в академии он запрещен, как и все анонимное. Ну сама понимаешь,

студенты, безопасность, маги и всё такое.

– Ну класс. Значит ты хочешь затащить меня в какое-то нелегальное приложение, – проворчала я. – Ты же в курсе, что я в академии и АКОПОС на птичьих правах?

Дубрава замахала руками, будто я зловредная муха.

– Да брось ты. Там все сидят, – сообщила лесовичка убежденно. – «Тайники» создал когда-то один из студентов пятого курса. Ходят слухи, то он был очень асоциален и не мог знакомиться вживую. Вот он и сделал такое приложение, чтобы все, кто не умеет общаться, тоже имели возможность заводить друзей и создавать пары.

Я снова буркнула:

– Тоже мне, Цекенберг.

– Руководство все время пытается закрыть приложение, – продолжала Дубрава. – Но его магический центр трансляции все время куда-то переносят. Так что пока никому не удалось отследить, кто им управляет и где хранит. У нас есть чисто студенческий девайс, с помощью которого мы в него заходим.

Дубрава сунула руку в карман сарафана и вытащила небольшую серебристую, как мне показалось, пудреницу.

– Вот, – сказала она и нажала на кнопочку. – Зеркальце-скажи. Или просто «зеркальце». Тебе разве такое не дали?

Я смотрела на небольшое зеркальце и чувствовала, как во мне снова постепенно начинает что-то закипать. Алекс

Хром не только пытается выдавить меня из академии, но даже не потрудился выдать все необходимое оснащение. Даже ятп мне помог получить Соловей. Правда у меня его отнял гоблин в Подгороде, но какая разница.

– Так, – сказала я решительно, – после Чароплетства ты мне расскажешь, что ещё мне необходимо получить. А то я уже некоторое время вроде как учусь, но каждый день выясняется, что у меня чего-нибудь да нет.

Дубрава похлопала своими пушистыми ресницами.

– А… ну да. Конечно. Я просто думала, что тебе зеркальце не нужно. У тебя же ятп есть…

– Уже нет, – буркнула я.

– А… ладно… Хорошо… – протянула слегка растерянно Дубрава, но быстро нашлась. – В любом случае, когда у тебя будет зеркальце, мы тебя тут же зарегистрируем.

– Да зачем мне там регистрироваться?

– Как зачем? – изумилась лесовичка. – Тебе романтические сны снятся!

– И что?

– А то! Тебе надо с кем-нибудь познакомиться!

– Ерунда какая, – вздохнула я, понимая, что если лесовичке что-то взбрело в голову, то вышибить это можно, только поддавшись.

Мы вошли в аудиторию по Чароплетству, конечно же, опоздали, потому что не опаздывать в компании Дубравы почти не реально. Преподаватель – мужчина в возрасте, с седой

бородой до пупа и в зеленой мантии с золотой вышивкой, стоял в середине неглубокого амфитеатра всего на пятьдесят человек. Он окинул нас безразличным взглядом и проговорил:

– Опоздавшие рискуют не усвоить материал, который в будущем может спасти вам жизнь.

– Извините, профессор Чистослов, – быстро протараторила Дубрава. – Мы случайно. Такого больше не повторится.

Лесовичка потащила меня на свободные места в средний ряд, где уже сидит Ясень, но я краем глаза успела заметить Биана на другом краю аудитории. При взгляде на него вспомнился сон и его гипнотические объятия. Сейчас он на меня не смотрит, но чувство, что за мной следят, не покидает. И правда, паранойя какая-то.

– Случайности не случайны, – тем временем провозгласил профессор Чистослов расхожую фразу. Мы сели на места, а он продолжил: – Случайности – это ничто иное, как причинно-следственные связи, которых вы в силу своей ограниченности не можете уловить.

Дубрава наклонилась ко мне и прошептала:

– Профессор Боян Чистослов всегда такой зануда.

– По-моему, он полезное говорит, – ответила я и покосилась на Биана.

Сегодня новенький почему-то совершенно на меня не обращал внимания, и я стала думать, что мне действительно все померещилось и Дубрава права – мне просто нужно с

кем-нибудь познакомиться. Чтобы проводить время не только за учебниками и убеганием от работорговцев Подгорода. Хотя учеба это именно то, что сейчас нужно. Встреча на Буферном рынке с красноглазым Фабианом сигналит – очень неспроста он так часто появляется в зоне видимости. Тут не надо быть Виолеттой Спрутовской, чтобы это понимать. А с учетом моих видений на пустоши надо быть готовой ко всему и побольше учиться.

Профессор Чистослов стал неспешно ходить по центру аудитории и смотреть куда-то вдаль.

– Как вы уже знаете из курса боевой магии инструктора Хрома, – продолжил он лекцию, – чары принципиально отличаются от заклинаний. Заклинания вы применяете быстро, а вот с чарами лучше знакомиться вдумчиво и детально.

– Будто чары могут всерьез навредить, – хмыкнул кто-то с заднего ряда. – Пока враг их прочтет, пока наложит – сто лет пройдет. Я его пять раз загрызть успею.

Мы с Дубравой оглянулись и заметили того самого кудрявого паренька, который когда-то подбил меня вступить в батл по скороговоркам с Пересветом. Тогда я его идентифицировала как оборотня. Сейчас он выглядит даже ещё более взлохмачено – кудрявые волосы в растопырку, а из-под футболки торчит коричневая шерсть.

– Неверно наложенные чары могут сыграть злую шутку с вами, юный волкодлак, – проговорил профессор. – Напомните, как вас именовать?

Кудрявый хмыкнул.

– Ну, предположим Алан Клыкер.

– Многоговорящая фамилия, – проговорил под нос профессор Чистослов, затем продолжил уже громче: – Так вот, уважаемый будущий агент АКОПОС, Алан Клыкер, представьте, что вы решили наложить чары… Скажем, для улучшения концентрации при атаке. Пока вы их изучали только в теории, но уверен, вам знакомы эти чары.

Лицо кудрявого парня все ещё непринужденно кривилось.

– Ну да, на курсе боевой магии агент Хром нам говорил, – сообщил он.

Профессор кивнул и отозвался:

– Замечательно. А теперь поглядим сюда.

Боян Чистослов развернулся к нам спиной, его руки вскинулись, а в аудитории прозвучало его четкое и короткое заклинание. В этот же момент в нижней части зала появились полупрозрачные фигуры агентов АКОПОС на холме, а вокруг них множество сгустков тьмы. Они напоминают голограммы из кино, только объемные и очень реалистичные.

– Вы наблюдаете хронику нападения на границе с Небуланом пять тысяч лет назад, – продолжал вещать профессор Чистослов. – Однажды этот мир пытался нарушить мирный договор содружества всех миров. Попытка была локальной, но посмотрите внимательно.

Он указал на группу агентов. Мы все подались вперед,

чтобы лучше видеть, как раз в эту секунду началась битва. Темные сгустки, словно истребители, пикировали на агентов, а те выставляли щиты, активно оборонялись и нападали.

Один из агентов сделал пас, я уже знала, что это такое и зачем они нужны, а он стал быстро шевелить губами.

– Как видите, – делал пояснения профессор, – агент накладывает на группу чары концентрации. Потуга правильная и похвальная. Но смотрите.

Мы все превратились во внимание. Агент тем временем читал все быстрее и над его группой возник мерцающий серебром полог. Смотрелось красиво – словно их накрыло вуалью из лунного света. Но в какой-то момент лицо агента исказилось, будто он сказал что-то не то или не так. В ту же секунду вуаль потемнела и резко затянулась на шеях агентов. Воздух пронзили крики, агенты похватались за горло, кто-то пытался метать пульсары, кто-то чертил пассы, но общая удавка неумолимо затягивалась на их шеях. А сгустки тьмы, которые больше ничего не сдерживало, набросились на группу и превратили их в кучку пепла.

Профессор вновь вскинул руки и видение исчезло. В аудитории повисла гробовая тишина, все оцепенели. Катастрофа, которую показал профессор, все ещё стояла перед глазами, а в ушах звучали крики агентов.

– Они не выжили? – донесся чей-то тихий голос с задних рядов.

Профессор Чистослов печально вздохнул и ответил:

– Агент АКОПОС должен понимать, что его работа непростая и рискованная. Но также ему необходимо помнить, что он несет ответственность не только за себя, но и за своих коллег. И чары, которые он накладывает, должны выполняться с филигранной точностью. Теперь вы это понимаете?

Вопросов о необходимости и важности Чароплетства больше ни у кого не возникло. Мы записывали в рабочие блокноты лекции, я сделала кучу пометок о том, как должны правильно звучать слова любых чар. Оказалось, очень важно произносить их с правильным забором дыхания, иначе все может кончиться, как в видении, что показал профессор.

Первую половину занятий мы записывали лекцию, а во второй профессор позволил нам перейти к отработке простейших чар.

– Попробуем зачаровать вазу и сделать так, чтобы она засветилась, – сказал он. – Разбейтесь на группы по пять человек, у меня не так много ваз. А разобьете вы их сегодня предостаточно.

Дубрава тут же подтянулась и ухватила меня за руку.

– Я и Ясень с тобой, – прощебетала она радостно.

Прежде, чем мы успели спохватиться, народ как-то очень резво собрался в кучки и к своему легкому ужасу, я увидела, что без команды остались только двое. И если один меня особо не интересовал, то от второго по спине прокатились знакомые мурашки.

– Биан Ас, кажется? – проговорил профессор, глядя на

кареглазого, который смирно и одиноко стоит у своего стола. – Присоединяйтесь вместе с юным волкодлаком к лесовикам и Ярославе.

Глава 5

Известие о том, что мне предстоит работать в группе с кареглазым новеньким, который приснился мне то ли в эротическом сне, то ли в кошмаре, взвинтило нервы настолько, что я выдохнула:

– Так он же только перевелся!

На что профессор Чистослов бросил на меня равнодушный взгляд и размеренно провел пальцами по бороде.

– Если не забыли, вы тоже в академии без году неделя, – заметил он. – Давайте-давайте, не тратьте время занятий. Группируйтесь бодрее.

Биан Ас поднялся с места. Наверное, если бы лопата была человеком и обладала лицом, на нем отразилось бы больше эмоций, чем на бесстрастной физиономии новенького. Он приблизился к нам и встал слева от меня. Возможно, я себя накрутила, но кожа моя тут же пошла пупырышками.

Дубрава наклонилась ко мне и шепнула:

– Вот тебе и шанс нормально познакомиться.

– Не собираюсь я с ним знакомиться, – отозвалась я таким же шепотом. – У меня от него мурашки. Забыла?

– Ага, а ещё он тебе снится.

– Расскажешь кому-нибудь – листья пообрываю. Или что там у тебя? – предупредила я лесовичку.

Она хмыкнула.

– Да не дрейфь. Не хочешь знакомиться с новеньким, познакомишься с кем-нибудь в «Тайниках».

– Да не хочу я… – начала я, но тут подоспел волкодлак.

– Хоба! – выдохнул он прямо над ухом.

Оборотень очень вовремя впихнулся между мной и Бианом, так что несмотря на болтливость и самоуверенность волкодлака, я ему даже обрадовалась.

– Ну чего вы? Классно будет. Не бойтесь, сейчас мы быстро заставим эту вазу светиться. Я же с вами, – сообщил он самоуверенно.

Ясень все это время внимательно изучал что-то в фолианте, поэтому молчал. Но, когда нагрянул волкодлак и залился соловьем, лесовик оторвал взгляд от текста и произнес:

– Не помню, когда это среди волкодлаков встречались сильные маги.

Алан тряхнул кудрями и оскалился уверенной улыбкой.

– Не помнишь, потому что у лешаков память плохая, – не растерялся он.

– А волкодлаков от концентрации отвлекают блохи.

– Боюсь представить, откуда лешаки так много знают о блохах, – весело огрызнулся Алан.

Ясень не уступал.

– Боишься – это правильно. Лешаков есть за что бояться.

Они бы наверняка продолжили препираться, но вмешалась Дубрава.

– Вам заняться нечем? У нас вообще-то задание. Вон,

смотрите, все уже стоят вокруг своих ваз. Гортензия и Береза даже одну разбили. А мы – последние.

– Сейчас будем первыми, – улыбнулся Алан.

Ясень закатил глаза и покачал головой, но все же в круг встал. Я предусмотрительно затесалась между Аланом и Дубравой, чтобы быть подальше от Биана. За все время он не обменялся с нами ни словом. Только иногда бросал на меня взгляды, от которых в животе все сжимается.

– Итак, – возвестил начало практической части профессор Чистослов, с укором глядя на Гортензию с Березой, которые со своим фальш-стартом успели уничтожить его тренировочную вазу, – сейчас мы применим одни из простых чар. С текстовой их версией вы уже ознакомились. Теперь нужно соединить их с пассами. Глядите и запоминайте.

Мы все уставились на профессора Чистослова, который выпрямил спину и сделал круг правой рукой, наподобие взмаха в балете, но в конце еле заметно пошевелил пальцами.

– Будьте внимательны, – сказал профессор. – Движения пальцев должны быть последовательными. Сперва безымянный, затем средний и в конце – указательный. Читать чары, как вы помните, требуется в момент локтевого сгиба. Выполняйте синхронно. По-одному у вас пока недостаточно концентрации, но групповое поле усилит ваши старания.

Мысль о том, что я нахожусь в одном поле с Бианом Асом, концентрации моей не помогала. Мы крутили пассы и чи-

тали слова чар, но все мое внимание неумолимо сползало к кареглазому брюнету с правильными чертами лица и бесстрастным его выражением.

Дубрава произнесла тихо:

– Яра, ты бы так не глазела на него. А то ну… Видно слишком.

– Да я не глазею!

– Ладно-ладно, не глазей. Только не глазей как-нибудь в другую сторону.

Я тихо выругалась под нос. Дубрава наблюдательная, заметила, что я действительно поглядываю на Биана. А как не поглядывать, если его присутствие мешает мне сосредоточиться. Если заметила лесовичка, скорее всего и сам новенький углядел.

От этой мысли мои щеки потеплели, к тому же снова поймала себя на том, что кошусь на него. Я торопливо перевела взгляд на вазу и уставилась на неё изо всех сил.

Ваза тем временем светиться никак не хотела. Ясень и Алан усердно размахивали руками, Дубрава повторяла за ними. У меня получались какие-то несуразные движения, и только у новенького выходили не попытки ощипанного воробья махать крыльями, а настоящие красивые пассы.

– Так мы до завтра не справимся, – пробормотала я.

– А ты соберись, – посоветовал Алан, он напрягся так, что лоб покрылся испариной. – Видишь, как я стараюсь, но всех вас мне не вытянуть.

Послышался смешок Ясеня.

– Можно подумать, ты у нас великий и умелый чародей.

– Да получше некоторых, – хмыкнул Алан.

– Ага, и поэтому взмок от натуги, пытаясь заставить светиться вазу, – с кривой усмешкой отозвался лесовик.

Алан сдул со лба блестящую каплю.

– Что поделать, если приходится потеть за всех.

Лицо лесовика приняло ироничное выражение.

– Бедный волкодлак, он пытается пользоваться магией, но только потеет. Какая досада, – проговорил он.

– Может, если бы ты или вон, ваша подружка-протеже старались, наша группа уже закончила бы, – бросил Алан.

Его слова попали в цель, и у меня в груди ухнуло, я покривилась – кудрявый зубоскал знал, куда клевать.

– Я здесь не одна новенькая, – сказала я первое, что пришло на ум, и снова поморщилась, потому что низко и глупо топить тех, кто рядом, пытаясь выгородить себя.

Но мой выпад волкодлак не оценил.

– Биан? Он переведен по обмену, – отозвался Алан. – А ты…

– Ещё слово, – вставил Ясень, – я и направлю концентрацию на тебя. Посмотрим, что будет с твоей шерстью под чарами свечения.

Остаток занятия мы провели в напряженном молчании. Я чувствовала на себе тяжелые взгляды – с одной стороны Алана, которому я, судя по всему, не нравлюсь, а с другой

– Биана, мысли которого вообще тайна, покрытая мраком. Впрочем, наши усилия не пропали даром и под конец занятия ваза все же ненадолго засветилась. Профессор это отметил, но сказал, что нам ещё заниматься и заниматься, поскольку наложение чар требует высокого уровня внимания и математической точности в исполнении пассов.

Когда мы покидали аудиторию, я была счастлива оказаться подальше от волкодлака и новенького. Ясень пошел к своим приятелям, а мы с Дубравой отправились на перерыв в самый дальний уголок сада, чтобы никто не глазел и не мешал. По пути заскочили в туалет, потому что во время занятий ни у кого даже мысли не возникло попроситься выйти.

Когда вышла из кабинки, Дубравы не обнаружила. Пришлось идти в сад одной. Настроение складывалось неоднозначное. Занятие можно считать успешным, но слова волкодлака задели. Да ещё и это безмолвный Биан. Поймала себя на том, что сейчас была бы не против даже компании Хрома. А Соловья с Михой и подавно. С момента моего возвращения медведя я до сих пор не видела. Неужели он на меня так зол?

По пути откуда-то вернулась Дубрава и теперь шагает рядом.

– Да не переживай ты так, – успокаивала она меня на ходу. – Алан придурок. Он всех задирает. Натура у него такая, волкодлачья.

– Обидно, потому что он прав, – вздохнула я.

Мы вышли в сад и, обойдя компанию, из которой слышен звонкий голос Пересвета, прошли в самый конец зарослей в тень кленов.

– Да ничего он не прав, – решительно заявила лесовичка, когда мы сели на лавочку. – Он просто дурак. А тебе нужно общаться с нормальными парнями. Смотри, что я тебе принесла.

Она сунула пальцы в карман, а когда вытащила, на ладони блеснула серебристая круглая коробочка.

– Вот, держи, – сказала лесовичка и протянула мне. – Твое «зеркальце-скажи». Я смоталась, пока ты была в туалете. Взяла на твое имя на студскладе.

Я выпучилась на неё и на зеркальце.

– Ой, это реально мое зеркальце? А так можно?

Дубрава сдвинула плечами.

– Ну как, – проговорила она, – обычно зеркальца-скажи выдают одно в руки на студента. Но на студскладе на выдаче работает лесовик. А у нас внутри вида хорошие отношения. Так что давай регистрироваться в «Тайниках».

Регистрироваться там мне не хотелось, тем более, что приложение запрещено в академии Парамагии, а мне лучше не рисковать лишний раз. Но теперь, когда Дубрава задействовала видовые связи, отказываться – хамство. Я согласилась.

Мы быстро настроили зеркальце на мое биополе, чтобы слушало приказы. Пользоваться им оказалось просто – точно так же, как и ятпшкой. Только у зеркальца более узкий охват,

похожий на локалку для студентов академии, тогда как ятп – глобальный артефакт.

– Вот, смотри, – проговорила Дубрава, указывая на списки в зеркальце. – Здесь предметы, планы лекций. Писать и читать конспекты, правда, надо самим, преподы говорят, так запоминается лучше. Но схемы того, что проходят на занятии, в зеркальце есть.

– Как удобно.

– Да, – кивая, согласилась лесовичка. – Здесь связь. Можно соединяться в личке. Тут чаты. А вот это самое посещаемое студентами сообщество: «Тайники». Приложение анонимное.

Меня и так сильно напряг факт регистрации в этих «Тайниках», а слово «анонимный» смутило ещё больше. Я с сомнением покосилось на Дубраву и спросила:

– Уверена, что мне туда надо?

– Хватит задавать вопросы, подруга, – знающим тоном ответила лесовичка. – Пора действовать.

После чего отправила в приложение запрос на регистрацию нового пользователя. Ответ пришел моментально. Теперь я числилась в «Тайниках» как Леди Молния, а на месте аватарки красовалось грозовое облако и яркая вспышка разряда.

– Ну и что дальше? – спросила я Дубраву.

– Как что? Ждать, пока тебе напишут, – удивленно проговорила Дубрава. – Можно, конечно, и самой написать. Но

не девичье это дело, я так считаю.

Я хмыкнула. Как у девушки двадцать первого века, рожденной в пропаганде эмансипации и феминизма, у меня таких предрассудков не было. Точнее, я считала, что не было, потому что на самом деле никогда не могла набраться смелости и первой пригласить парня.

– Да кто мне писать-то будет? – отозвалась я. – Я же только зарегистрировалась.

– Кто-нибудь напишет, – убежденно произнесла Дубрава.

– Ты слишком в меня веришь, ты ведь… – начала говорить я, но не закончила, потому что зеркальце издало курлыкающий звук и в иконке сообщений появилась цифра один.

– Это что? – не поверила я.

А Дубрава вскинулась и захлопала в ладоши.

– Я же говорила, я же говорила! – воскликнула она. – Напишут! Вот и написали!

– Эээ… – только и смогла выдавить я.

– Что «эээ»! – воскликнула Дубрава. – Жми давай!

Все ещё пребывая в растерянности, я ткнула на сообщение и уставилась на стандартное «привет».

– Давай-давай, – подбодрила лесовичка. – Не теряйся. Пиши.

В сети я никогда не знакомилась, так что теперь моя растерянность только выросла. Дубрава это заметила и взяла дело в свои руки.

– Да отвечай же «привет».

Мне такая переписка казалась пределом глупости. Ну как можно кого-то узнать, общаясь штамповыми фразами, когда даже лица собеседника не видишь? Да что лица – на аватарке у того, кто мне написал, какая-то черная то ли клякса, то ли капля, а ник «Виконт Схимник».

Я поморщилась.

– По какому принципу эти «Тайники» выбирают имена и аватарки?

– Вроде бы наугад, – ответила неоднозначно Дубрава. – Но некоторые считают, что она это делает с учетом особенностей пользователя. По-моему это ерунда. Меня она обозвала «Жрица Тайги». Ну какая из меня жрица?

В подтверждение слов Дубрава обвела себя ладонями. Я промолчала, потому что Дубрава совершенно не обратила внимания на «Тайгу» и то, что она непосредственно связана с природой Дубравы.

– Ну допустим. Дальше-то что? – поинтересовалась я.

– Переписывайся! – сообщила лесовичка уверенно.

Противостоять её напору сил у меня не нашлось, так что пришлось переписываться.

«Привет», – ответила я после паузы.

«Чем занимаешься?», – тут же пришло новое сообщение.

«Отдыхаю после занятий у профессора Чистослова».

Последовала короткая заминка, потом я увидела бегущую полоску, которая означает, что собеседник набирает ответ. Затем курлыкнуло сообщение.

«Ты тоже с первого курса?»

Дубрава, которая все это время неотрывно таращилась в мое зеркальце, радостно захлопала в ладоши.

– Как классно! Он с нашего потока! Возможно, мы даже виделись. А может, и знакомы. Как романтично!

Мне оставалось только молча закатить глаза и ответить анонимному собеседнику:

«Да».

«Классно. Наверное, у тебя много друзей. Поток на первом курсе в этот раз большой».

Я собралась написать ответ, но в этот момент откуда-то из сада донесся девчачий оклик:

– Дубрава! Иди к нам! Гортензия и Береза поспорили, сможешь ли ты вырастить куст самшита за десять минут!

Дубрава вскинулась, её зеленые волосы красиво колыхнулись и зашевелились.

– Да за десять минут я вам целую сирень выращу! – отозвалась она и обернулась ко мне, торопливо произнеся: – Яра, ты тут справишься? У меня дело чести.

Я хмыкнула.

– Да уж с приложением знакомств разберусь.

Когда Дубрава ускакала в толпу лесовичек выращивать на время кусты, я вернулась к неизвестному собеседнику. Не то чтобы мне сильно требовалась его компания, но раз уж начала, почему не пообщаться.

«Не могу сказать, что у меня много друзей», – ответила я

ему, – «Но те, что есть – хорошие ребята».

«Везет. Я пока особо ни с кем не общаюсь. Вот, поэтому залез в «Тайники».

Издалека донесся смех, потом лесовички хором начали считать, видимо, Дубрава уже во всю трудится над проращиванием зелени. Я хмыкнула и ответила:

«Думаешь, здесь тебя ждет успех?»

«Ну с тобой ведь я уже общаюсь».

Парень прав. Я сама не заметила, что втянулась в разговор. Возможно, эти «Тайники» не такая уж и ерунда. Хотя мне все ещё не известно, с кем я разговариваю.

«Так и есть», – ответила я, – «Но анонимность все портит».

«Думаешь? Как по мне, это наоборот помогает. Некоторые студенты застенчивые. А здесь можно не бояться».

Мне тут же вспомнились слова песни известной рок-группы, я не удержалась и написала их.

«Я знаю – круче в мире не найти.

Ты самый лучший в этой соцсети.

Но только, брат, не выходи на улицу

– там по полной можно огрести»[1].

Опять повисла пауза, в которой из центра сада смех и веселье лесовичек стали громче. Виконт Схимник все не отвечал, я даже немного напряглась – может, я слишком грублю? Но потом появилась полоска загрузки. Ага, печатает. Затем курлыкнуло сообщение.

«Считаешь, у меня не хватит смелости встретиться лично?»

Это были вызов и провокация. Мне бы послать его подальше с такими подкатами, но что-то внутри ёкнуло и, несмотря на понимание манипуляции, я ответила:

«Но ты ведь не знакомишься в академии, а зачем-то полез в «Тайники».

«Ты тоже».

Во мне снова все вспыхнуло от раздражения и интриги. Кто бы мог подумать, что переписка непонятно с кем может вызвать столько эмоций.

Я перекинула ногу на ногу и оперлась локтями на колени, набирая ответ, что, кстати, очень удобно реализовано: нужно просто держать зеркальце и мысленно концентрироваться на ответе, а буквы набираются сами.

Я набрала:

«Я-то не страдаю от нехватки общения».

«Тогда что ты здесь делаешь?» – пришел незамедлительный ответ от Виконта Схимника.

Меня накрыла волна злости, даже затряслись руки, я захлопнула зеркальце и сунула его в карман юбки. У него там сканер моих болевых точек что ли? Этот Виконт Схимник умело выводит меня из себя. Я о таких парнях слышала, они используют какие-то пикаперские штучки и будоражат эмоции. Я хмыкнула и сама себе ухмыльнулась – не на ту напал. Такие, как он, никогда не переходят от слов к делу, потому

что крутые и смелые только в сети. А в жизни, как в той самой песне – даже носа не высунут.

Снова сунув пальцы в карман, я вытащила зеркальце. Виконт Схимник все ещё на связи. Надо же, ждет, когда отвечу.

Я плотоядно облизнула губы – ну что, «ботаник», держись, иду ва-банк.

«Я здесь развлекаюсь. Ничего серьезного. Но если ты готов к настоящим развлечениям, предлагаю встретиться в реале», – написала я.

Когда отправила сообщение, по груди растеклось приятное тепло удовлетворения. Осадить кого-то с раздутым эго всегда приятно и сейчас я с чувством выполненного долга и заслуженной победы смотрела на стекло зеркальца-скажи, где в чате повисла пауза.

– Ха,– сказала я себе, – даже в «Тайниках» не смог выдержать напор. Не удивительно, что у тебя нет друзей.

Сказать, что я сама утопаю в дружеском внимании, тоже нельзя, особенно учитывая, как ко мне относятся студенты и агенты. Но даже у меня получилось обзавестись компанией.

В голове всплыл образ Соловья, жгучего блондина с загорелой кожей и такой улыбкой, что ум отшибает. Я его не видела с того момента, как они с Алексом подрались у Спрутовской. А Миху…

В животе стало неприятно – я до сих пор перед ним не извинилась за то, что доставила кучу проблем.

Я глянула на запястье. На часах за полдень, а до начала

занятий у Алекса ещё сорок минут. Так что самое время отлучиться из академии в корпус АКОПОС и посыпать голову пеплом перед медведем.

Поднявшись, я не смогла удержаться и заглянула в «Тайники», где светится новое сообщение. Надо же, Виконт Схимник собрался с духом и смог ответить. Когда открыла послание, в груди снова ёкнуло, потому что в сообщении значилось:

«Хочешь встретиться? Не вопрос».

Общение походило на какое-то перебрасывание мяча, и сейчас ведущий мяч у Виконта Схимника. Который, судя по тону, считает, что я трухло и не решусь выйти из тени анонимного чата.

«Легко. Сегодня после занятий в саду под дальними кленами».

Когда отправила сообщение, мне тут же захотелось его удалить. В голову полезли всякие мысли – вдруг он урод какой-нибудь или, что ещё хуже, придурок. Не просто так ведь он скрывается в запрещенном анонимном чате академии. Но потом выдохнула и взяла себя в руки. Вообще-то я тоже нахожусь в этом чате и в придурошности замечена не была. Наверное.

Выкинув вопрос с предстоящей вечером встречей, я решительно поднялась и направилась к выходу из сада. Сейчас мне предстоит дело посерьезней, ведь Миха огреб из-за меня совершенно незаслуженно.

[1] – отрывок из песни «Самый лучший в соцсети» группы «АрктидА».

Глава 6

До кабинета Михи я добиралась окольными путями, оглядываясь и выглядывая – не идет ли где Свирэль. Спрутовская меня предупреждала не попадаться ей на глаза какое-то время. А стычка в лекарской только подтвердила совет командира. Так что стучала я в дверь Михи, вжимая голову в плечи и прикидываясь стеной.

Из кабинета донесся рычащий голос медведя:

– Свирэль, я занят, мне некогда.

Его настрой энтузиазма мне не добавил, но я, морщась и опасаясь, снова постучала.

– Миха, это я, Ярослава.

В кабинете что-то громыхнуло, затем чиркнул замок и дверь отворилась, впуская меня в кабинет. Миха сидел, развалившись на своем широченном стуле. Лапы, которые ноги, крест на крест на столе, шерсть взъерошена, в руке громадная миска, кажется, меда, а глаза уставшие, но злобы в них я не увидела.

– О, Ярослава Воронцова, заходи, – прорычал медведь, и дверь за мной захлопнулась, звякнул замок.

Я с озадаченностью оглядела кабинет с окнами на бескрайнюю Тайгу и остановила взгляд на Михе. Таким очумевшим я его ещё не видела, поэтому спросила:

– Миха, ты вообще как? В порядке?

Он отпил из миски мед, губы заблестели от вязкой субстанции.

– Ну а как ещё? – отозвался медведь и обвел себя свободной рукой. – Отдыхаю и снимаю стресс.

Как реагировать на эту картину, я все ещё не знала, но решила не юлить и говорить прямо.

– Командир Спрутовская сказала, что оштрафует тебя, – сообщила я. – А потом Свирэль… Гм, тоже заходила и сообщила, что ты весь в штрафах из-за меня. Так что я это… Пришла извиняться. Миха, прости, я же не знала, что…

– Та, – отозвался медведь, махнув рукой. – Никто меня не штрафовал. Мы с Соловьем, когда тебя искали, весь Подгород на уши подняли и перевернули. Нашли группу рабов, оказалось, их похитили с поверхности. Так что благодаря твоей пропаже удалось выявить серьезное нарушение мирного сосуществования.

Я впечатлилась.

– Ого. И что с этими рабами?

Миха сдвинул плечами и ответил:

– Ну как, всех доставили в очистительную зону, между прочим, двадцать человек, двенадцать женщин и восемь мужчин. Стерли ненужные воспоминания пыльцой фей и отправили домой. А смотрителю Подгорода запрет на выход к Буферному рынку в течение полугода. А это, как понимаешь, серьезный удар по экономике Подгорода.

Меня эта новость так впечатлила, что я даже присела на

край кресла.

– И это все из-за моей пропажи? – не поверила я.

Миха снова отхлебнул меда и вытер медвежьи губы тыльной стороной ладони.

– Ага. Вообще весело было, хе-хе, мы с Соловьем ту таверну в груду палок превратили. Когда ты не появилась через пять минут, мы полезли разбираться. Вот тут-то и началась потеха. Такая потеха, что…

Миха многозначительно хохотнул и отхлебнул из миски, затем довольно зарычал.

– Так что нет у меня никакого штрафа в общем, – заключил он.

У меня остался только один вопрос.

– А почему Свирэли не сказал?

Громадная медвежья морда Михи неоднозначно покривилась, он проговорил:

– Да просто… Она славная эльфийка и нравится мне, все при ней, грудь во, задница – во. Но иногда мужчине, тем более зверю, надо побыть одному что ли. Понимаешь, а, Ярослава Воронцова?

Его морда приняла такое выражение, будто своей лохматой мимикой пытается дополнить суть сказанного. Не могу утверждать, что в точности поняла его посыл, но, учитывая опыт проживания с Владом Лисицыным, прекрасно понимаю, когда хочется уединения.

Я кивнула.

– Понимаю.

– Ты только ей не говори, – попросил Миха, – а то у ней истерика будет.

Я улыбнулась и сделала жест, будто застегиваю рот на замок.

– Не переживай, я умею хранить секреты.

Из кабинета Михи я вышла в приподнятом расположении духа. День сразу стал казаться лучше, воздух чище, а солнце теплее. Миха на меня не злится, да к тому же обошелся без штрафов.

Довольная, что удалось разобраться хотя бы с одним вопросом, я направилась по коридору в сторону корпуса академии. Но не успела зайти за второй поворот, на как на меня ураганом с визгом и руганью налетело нечто.

– Ах ты потаскуха малолетняя! – раздалось над ухом, а потом в это же ухо прилетел увесистый и меткий удар.

В голове зазвенело, перед глазами поплыло, меня откинуло в сторону и, если бы не стена, в которую я врезалась, точно свалилась бы на пол.

Не требовалось долго думать, чтобы понять, кому я опять помешала. Высокий голос Свирэль не перепутать ни с чьим.

– Хватит окучивать моего медведя! – завопила она, и я краем глаза успела заметить, как эльфийка снова ринулась на меня.

Не знаю, откуда у меня возникли сила и прыть, но, развернувшись, я бросилась вниз по коридору.

– Стой, зараза! – донеслось мне в спину.

Идея убегать от эльфийки заведомо провальная, если ты не эльф или какой-нибудь бегун-супергерой, так что остроухая настигла меня метров через пятьдесят на следующем уровне коридоров. Резкая подсечка сбила меня с ног, я грохнулась на пол, больно ушибив колено, а в следующий момент Свирэль оседлала меня и схватила шею в локтевой захват.

– Я тебя за Мишеньку в порошок сотру, – прошипела она мне в ушибленное ухо и стала душить.

Лежа на животе и выгибаясь в позвоночнике, как кобра, я цеплялась пальцами за руку эльфийки в попытке её отцепить. Но тщетно, а в ней откуда-то взялось столько дури, что я с ужасом стала задыхаться.

– Кхе.. кха.. кха… – только и получалось выкашливать у меня.

Свирэль продолжала бесноваться и шипеть мне в ухо:

– А я думаю, чего мой Мишенька какой-то не такой, холодный, отстраненный. А его эта тварь околдовала. Сейчас я тебя прибью, и все чары спадут.

– Кхе… я не… кхе…

В глазах меркло, перед ними ползли цветные пятна, а голова будто надувалась воздушным шариком. Силы меня покидали, и даже чтобы выкрикнуть заклинание «эхо» не подвернулось ни единой возможности. В голове мелькнуло – вот так я сейчас и помру от руки взбесившейся ревнивицы. А ведь у меня были перспективы. Наверное. Но теперь никто

не узнает, суждено ли было им сбыться. Потому что эта разъяренная фурия придушит меня, а тело выкинет в какой-нибудь портал. Ищи-свищи. В академии и АКОПОС меня отметят, как пропавшую, поищут, попаникуют, а потом успокоятся. Мало ли, сколько у них народа пропадает, вон, в Подгороде аж двадцать человек нашли. Кто знает, что было бы, не наткнись Миха с Соловьем на них.

Это все пронеслось в голове за секунду. В следующий момент последовал болезненный рывок, хватка эльфийки исчезла, а в легкие живительным потоком хлынул кислород. Я закашлялась и упала на пол, скрючившись, как червяк. За спиной раздался злой голос:

– Свирэль, какого визгопряха ты творишь?!

– Соловей, пусти, я её убью!

– Я тебя сам убью, если не прекратишь! Ты умом тронулась?!

Перевернувшись на спину и нервно хватаясь за горло, я увидела, как Соловей с абсолютно здоровой челюстью держит за шкирку эльфийку. Та в бешенстве дрыгает ногами и машет руками, крупное декольте колышется в такт, но освободиться из крепкой хватки мужчины она не может. Взгляд его суровый и злой.

– Пусти, я до неё все равно доберусь, – шипела Свирэль. – Она хочет увести у меня Миху!

Сказанное показалось мне таким бредом, что я не придумала ничего лучше, чем выдавить банальное:

– Неправда…

Взгляд фиолетовых глаз эльфийки впился в меня колючками.

– Да? А что ты делала у него в кабинете? Меня он не пустил, а тебя, дрянь ты недоделанная, пустил! Ещё скажи, что вы просто разговаривали!

Кое-как мне удалось подняться, хотя все ещё шатает, а перед глазами плавают цветные мухи. Схватившись за стену, я прохрипела:

– Да я узнать, как у него дела, ходила… Я не… Он же медведь! И гораздо старше меня!

– А вам, современным профурсеткам, плевать на приличия! – съязвила эльфийка и дрыгнула ногой, пытаясь меня достать, но Соловей удержал её, да ещё и встряхнул на всякий случай.

– Свирэль, тебе лечиться надо, – мрачно сообщил он. – Тебе сто тридцать четыре года, могла бы поумнеть уже. Ярославе всего восемнадцать. Миха ей как батя, ну максимум – старший брат. А ты – расщеколда скопыжная. Ещё раз узнаю, что достаешь Ярославу, самолично приволоку к Спрутовской. Пускай она решает, что с тобой делать и нужна ли неуравновешенная истеричка в АКОПОС. Поняла?

Свирель ещё пару раз дернулась и опалила меня очередным яростным взглядом. Но когда проговорила, голос прозвучал куда более смирно.

– Поняла.

Сол ещё немного подержал её на весу, как котенка, затем нехотя опустил. Свирэль, едва коснулась стопами пола, дернула плечами, скидывая с себя руку Разбойника. Затем сдула со лба белокурый локон и гордо выпрямила спину.

– Я буду следить за тобой. За всеми, – произнесла она и демонстративно зашагала прочь по коридору, качая широкими бедрами.

Соловей подошел и подхватил меня под локоть.

– Ты как?

– Жить буду, – отозвалась я.

– Может, тебя в лекарскую отвести? – предложил он.

У меня сам собой вырвался смех, хоть и хриплый.

– Обойдусь. А то в последнее время я там постоянный клиент. А как твоя челюсть?

– Живет и здравствует. Я отведу тебя до комнаты, – сообщил Сол тоном, не терпящим возражений.

Меня немного шатало, но в целом чувствовала я себя нормально. Соловей порывался взять меня на руки, но я категорически отказалась – не хватало ещё, чтобы меня как немощную на себе таскали. И так вся академия и агентство на меня косо смотрит.

К счастью, в академии сейчас занятия, так что пока он провожал меня по коридорам в общежитие, на пути никто не встретился.

– Ты точно в порядке? – ещё раз уточнил Соловей, когда мы остановились у моей двери.

Я подняла на него взгляд, чтобы ответить, но почему-то запнулась и остановилась на его пронзительно синих глазах. Положение получилось неоднозначное – мы одни в коридоре у моей двери стоим довольно близко и смотрим друг на друга. Он, конечно, не первый раз приводит меня, но почему-то сейчас сердце мое забилось чаще.

Мое смущение оказалось таким очевидным, что Соловей улыбнулся красивыми жемчужными зубами, с помощью которых он невероятно мощно свистит. Когда наклонился к моему виску, а его ладонь уперлась в стену слева от меня, пульс мой и вовсе стал нитевидным. Нос уловил его едва уловимый мятный запах. Я сглотнула пересохшим горлом, и в груди вспыхнуло, я даже стала чаще дышать, не представляя, что же сейчас будет. Что же будет…

Когда палец Соловья легонько коснулся моей щеки, я едва не потеряла сознание, в голове зазвучали фанфары, а сердце едва не выскочило сквозь грудную клетку. Шепот Соловья над самым моим ухом окатил горячим дыханием и прошелся томительной дрожью по всему телу.

– Яра, – прошептал он, – ну что ты. Я агент, а ты студентка. Тише, тише…

После чего чуть отстранился, но так, чтобы я могла видеть его глаза. И я тонула в этой синеве, не представляя, куда могу вляпаться.

Губы Сола тронула хитрая улыбка.

– Иди, Яра, отдыхай, – сказал он и толкнул дверь в мою

комнату.

Сообразила, что надо двигаться, я не сразу. Только стояла и смотрела, как очарованная, ему в глаза. Потом в каком-то полусне попятилась, не отрываясь от его взгляда. Только когда вошла в комнату и закрыла дверь, осознала, что сейчас произошло.

Прислонившись спиной к двери, я с шумом выдохнула. Сердце тарабанит, в ушах звенит, дышу, как паровоз. Может, формально ничего и не произошло, но то, как несколько секунд назад звенел воздух, услышал бы даже глухой.

Меня потряхивало. Дойдя до кровати, я рухнула на неё спиной и уставилась в потолок. Мама дорогая, мне ведь не показалось? Соловей сейчас со мной заигрывал. Он так близко ко мне наклонился, что я почувствовала его запах, приятный, еле заметный. А ведь мог просто сказать «пока» и уйти. Что это значит?

– То и значит, – проговорила я себе, надеясь, что звук собственного голоса немного приведет в себя. – Он сказал, что агент, я а студентка. А это, судя по всему, запрет на… Чтобы там ни было, но запрет.

К тому же Миха меня предупреждал не вестись на всякие соловьиные трели, потому что он – Соловей. Поет сладко, заслушаешься и взлетишь к самым небесам. Правда, когда песня прекратится, на землю рухнешь так, что костей не соберешь. Я даже забыла о происшествии со Свирэлью. Если со стороны Сола это был прием, чтобы добиться именно этого,

то удалось на славу. Я теперь не то что о Свирэли – вообще ни о чем думать не могу, кроме как об агенте Разбойнике.

– Да блин! – выругалась я на себя и села.

Потом посмотрела на часы и охнула – на занятия к Алексу я не то, что опоздала, а полноценно их пропустила. Он, наверное, в бешенстве. А может, наоборот рад, что я не мозолю глаза, но одно наверняка точно – мое отсутствие он заметил.

Обругав себя последними словами, я походила по комнате и решила на глаза ему сегодня не попадаться. Уже пять часов, смысла врываться на последние двадцать минут занятий нет. Лучше отсидеться, а потом отмазаться походом к Михе.

На сегодня лекций больше у меня не стояло, так что я села почитать фолиант по Межмировой истории. Мне, как человеку вновь прибывшему, эта дисциплина очень кстати. Тем более это действительно интересно.

Как выяснилось, мы обитаем в чем-то вроде мультивселенной, где одновременно присутствуют все наши «если», «возможно» и «может быть». То, что мы воспринимаем, как непоколебимую реальность – лишь один из миллионов её вариантов. Конкретно нашу линии реальности в фолианте называют «Универсумом».

Я полистала книгу. Некоторые её страницы мерцают золотистым светом. Когда открыла одну из них, страница развернулась на ещё одну книгу такой же толщины, и я поняла что этот материал изучать я буду крайне долго.

Потом я читала о Небулане – мире два-пять, который да-

леко не всегда живет мирно с остальными. Хотя во Вселенной дружелюбных миров и много, но тех, кто вечно чего-то хочет, тоже достаточно. Ещё читала о Нибиру – мире на планете, которая находится одновременно с нами, но вращается вокруг солнца так долго, что на Земле успевают появиться и исчезнуть целые цивилизации. Ещё о том, как сама Земля долгое время управлялась магами, а потом их численность сократилась. Об этом я уже читала в другой книге.

В фолианты я погрузилась так глубоко, что вырвал меня из них только курлык зеркальца. В тишине комнаты он прозвучал так громко, что я вздрогнула. Надо как-то настроить его звучать потише.

Выпрямившись на кровати, я хрустнула шеей и заглянула в зеркальце-скажи. Там светилось сообщение в приложении «Тайники».

– Блин! – спохватилась я. – Забыла совсем!

То, что я сама спровоцировала на встречу незнакомца, совершенно вылетело у меня из головы. Мелькнула мысль не идти. Но тогда я буду балаболкой, которая не отвечает за слова. С другой стороны, я вообще не знаю этого человека и имею полное право отправить его подальше.

Несколько мгновений я пялилась на зеркальце. Потом выругалась и открыла сообщение.

«Я жду уже пять минут под кленами. Если ты не придешь, будем считать что я выиграл. А ты проиграла».

Внутри зазудело. Даже ежу понятно, что это дешевая про-

вокация и Виконт Схимник нарочно меня поддевает. А я, как дурочка, поддаюсь. Но, с другой стороны, если ты знаешь о манипуляции, то это уже не манипуляция, а осознанное решение.

– Ну ладно, Виконт, – пробормотала я. – Держись.

«Я иду», – отправила я быстро сообщение и спрыгнула с кровати.

Запах Соловья все ещё стоял в носу, а драка со Свирэлью в памяти пока свежа. Но оставить дело недоделанным и позволить какому-то неведомому Виконту Схимнику одержать верх я не могла.

Поэтому я шла по коридорам, уткнувшись носом в зеркальце и смотрела на то, как набирается сообщение.

«Уверена? Я подумал, что ты просто струсила».

Самоуверенность Виконта Схимника меня злила и придавала скорости. Я набрала:

«Считаешь, у меня нет других дел, кроме как ждать встречи с тобой?»

«А разве есть?».

«Представь себе».

«Сложно вообразить, чем ты занималась, если не была на занятиях по боевой магии».

Я даже охнула на бегу – Виконт Схимник знает, что я хожу к Хрому. Значит мы и правда на одном потоке.

«Какой наблюдательный», – ответила я. – «Посмотрим, не струсишь и не убежишь ли, пока я иду».

Секундная пауза, затем снова набор и вот пришло сообщение:

«Я весь в твоем распоряжении».

От его неоднозначности я охнула и не заметила на пути преграду, а, когда налетела на неё, стало уже поздно, потому что преградой оказался никто иной, как Алекс Хром.

Глаза его цвета голубой стали смотрели с холодной яростью, точеный подбородок устремился на меня, а желваки заиграли.

– Кого я вижу, – проговорил он едко. – Никак Ярослава Воронцова объявилась в академии Парамагии. Наверное, она очень занята, если не пришла на занятия боевой магии.

Несмотря на тон, в этот раз я могла понять его недовольство – все-такие прогул очевиден. Но у меня есть оправдание.

– Алекс, все не совсем так, – затараторила я, – я просто ходила к Михе, а там Свирэль, она напала, чуть не задушила меня. Если бы не Соловей…

– Ну конечно, – кривя правильный нос, произнес Алекс, – вместо занятий по боевой магии ты прохлаждалась с Соловьем. Почему-то я не удивлен.

Произнес он это так, что мне стало не по себе, а чувство вины обрушилось с такой силой, будто я изменяла ему. Хотя рационального зерна в этом чувстве примерно минус ноль.

Я тряхнула головой, отгоняя неуместные ощущения, вызванные умелой психологической атакой, и снова попыта-

лась объяснить Алексу.

– Да нет. Ты опять не так понял…

– Я, по-твоему, идиот?

– Что? Нет. Нет, конечно, просто…

– Тогда хватит утверждать, что не понимаю твоих слов, – резко бросил Алекс. – Ты не настолько прекрасный оратор, чтобы я, действующий агент АКОПОС, не улавливал их смысла.

Меня шокировала его новая атака, причем не столько её содержание, сколько само её наличие.

– Да чего ты на меня взъелся-то? – растерялась я и похлопала ресницами.

Губы Алекса искривились неоднозначной усмешкой.

– Тебе с самого начала объяснить?

Представив, в какой монолог это может вылиться, я быстро покрутила головой и проговорила:

– Алекс, слушай, я правда извиняюсь, что не пришла на занятие. Обещаю, на следующем буду, как штык. Но мне сейчас надо спешить.

Я покосилась на зеркальце-скажи, оно курлыкнуло и сообщение висит одинокой пометкой. Мой взгляд не ускользнул от Алекса и, прежде, чем я успела среагировать, он выхватил зеркальце у меня из руку, подняв над головой так, чтобы я не смогла достать.

Я рефлекторно подпрыгнула за ней.

– Отдай!

– Откуда у тебя зеркальце-скажи? – строго спросил он, глядя, как я прыгаю вокруг него, пытаясь отнять принадлежащую мне вещь.

– Откуда и у всех! – выкрикнула я, продолжая тщетно скакать. – Со студсклада.

Алекс хмыкнул.

– Надо же, – отозвался он.

В зеркальце снова курлыкнуло, Алекс сдвинул брови.

– Да что там у тебя все время сигналит? – проговорил он, а затем не опуская руку, заглянул в мое зеркальце.

В мыслях моих в этот момент произошел настоящий взрыв. Потому что до меня дошло – там ведь то, чего жаждущий выпереть меня из академии Алес видеть не должен. В груди все сжалось, а сердце пропустило удар.

Тем временем выражение лица Хрома медленно менялось: из просто строгого и сердитого оно постепенно становилось, ошарашенным, затем удовлетворенным, а потом злорадным. Он смотрел в зеркальце, и его идеальные губы расползались в улыбке.

– Вот это новости, – спустя мучительную паузу произнес Алекс. – В академии учишься всего ничего, а уже сидишь в запрещенном приложении. Понимаешь, чем это тебе грозит, дорогая моя Ярослава?

Впившись в него беспомощным и яростным взглядом, я сглотнула сухим языком. Я понимала. О да. Я очень хорошо понимала.

Глава 7

Конечно же, после этого с Алексом у нас разразился скандал, порадоваться в котором можно было лишь тому, что в это время в коридоре никого не оказалось. Я орала на него, упрашивала, требовала не идти к Спрутовской. Но Алекс оставался неумолимым и волок меня к командиру АКОПОС, как приговоренную.

– Ты меня ненавидишь, – тараторила я в панике и крутилась вокруг него юлой, когда получилось высвободить локоть из железной хватки, – но, пожалуйста, не порть мне жизнь. Ты не понимаешь, что меня ждет, если выпрут из академии.

Лицо Хрома оставалось мрачным и ухмыляющимся, а соколиные брови периодически сдвигались.

– Я сто раз говорил, что не ненавижу тебя, Ярослава, – произнес он.

– Тогда, пожалуйста, не сдавай меня, – взмолилась я. – Мне ведь даже жить негде.

– До этого же ты где-то жила, – парировал Алекс.

Мы завернули за угол, кабинет Спрутовкой неумолимо приближался.

– Жила, – ответила я. – Но теперь там жить не могу.

– А ты смоги, – пожав плечами, отозвался Хром.

На меня накатила очередная волна гнева, я выпалила:

– Да нет у меня больше дома! Нет! Понимаешь? Мне маму

спасать надо!

Мы остановились у дверей кабинета Виолетты, Алекс развернулся ко мне, на его лице отразилось что-то вроде сожаления, но губы произнесли иное.

– Дела гражданских меня не касаются. А ты без пяти минут гражданская. Заходи.

После чего открыл дверь и втолкнул меня в кабинет.

Зал Спрутовской в этот раз встретил нас прохладой и полумраком. За окнами сумерки, а бледные кварцевые кристаллы по стенам освещают помещение слабо. Спрутовкая восседает на своем здоровенном стуле у дальней стены, подпирая кулаком подбородок, фиолетовые щупальца покачиваются, кольца с драгоценными камнями на них поредели, а волосы сиреневым водопадом растеклись по плечам.

Увидев нас, Виолетта подняла левую бровь и произнесла:

– Интересно, у вас теперь новая традиция – врываться ко мне? Хром, ты совсем страх потерял?

Алекс коротко кивнул, я не поняла – он так соглашается со словами Спрутовской или приветствует.

– Понимаю, командир, – сказал он. – Виноват. Приношу извинения. Но, уверен, вы простите мне эту оплошность. У нас тут серьезное дело.

Когда Виолетта с немым вопросом перевела на меня взгляд, в груди ухнуло молотом и я вжала голову в плечи.

– Ну? Потрудись объяснить, – позволила она.

– Слушаюсь, – с готовностью отозвался Алекс.

И пока он в подробностях обрисовывал ситуацию с запрещенным приложением «Тайники», я испытала всю палитру значения слова «фиаско». Каждая фраза Алекса вбивала по гвоздю в гроб моего будущего, и я не знала, как остановить свое падение.

Спрутовская слушала сосредоточенно, лицо её хмурилось все больше, между бровей пролегла глубокая морщина, а глаза потемнели, как грозовое небо. Щупальца нервно подергивались, и мое нутро подсказывало – гроза, бушующая в глазах женщины-осьминога, вот-вот обрушится на меня.

– Вот такая обстановка, – закончил вещать Алекс и победно покосился на меня.

Надежды мои давно осыпались прахом, теперь я просто стояла и молчаливо ожидала своей участи, потому что противопоставить его словам мне нечего.

Виолетта несколько минут молча пронзала меня взглядом, и мне хотелось провалиться сквозь пол до самого Подгорода, чтобы только скрыться подальше от её распекающего взгляда.

Когда командир заговорила, я вздрогнула. Почему-то до этого казалось, что мы так и будем молчать целую вечность, пока не кончится мир.

– Ярослава, ты подтверждаешь слова агента Хрома? – поинтересовалась она низким и тяжелым голосом.

Голова моя бессильно упала на грудь, сердце сжалось ледяной лапой – это конец. В лучшем случае меня ждет участь

подстилки отчима, а в худшем – не только его.

Когда в звенящей тишине зала прозвучал мой голос, я сама его не узнала – так глухо и бесцветно он прозвучал.

– Так и есть, – ответила я. – Все правда.

– То есть ты действительно зарегистрировалась в анонимном сообществе «Тайники» и с кем-то там переписываешься? – напирая, уточнила Спрутовская.

Её слова ударяли мне в солнечное сплетение, подобно кулакам, я поморщилась и кивнула.

– Переписываюсь…

– Угу, – протянула командир и замолчала, уставившись куда-то в пол и потирая подбородок.

Повисла тишина, в которой я слышала только биение своего сердца и свое же дыхание. Они казались таким громкими, что оглушали, и, когда спустя какое-то время рядом покашлял Алекс, даже обрадовалась, что в этом мире ещё остались хоть какие-то звуки, кроме грохота в моем теле.

Алекс осторожно обратился:

– Командир?

Спрутовская вскинула голову, будто очнулась ото сна, когда заговорила, слова зазвучали вдумчиво и с расстановкой.

– Мда. Мои планы по экспедиции в Небулан, возможно, придется скорректировать. Ситуация, конечно, непростая, – сказала она. – По правилам после того, как студента поймали с поличным на пользовании «Тайниками», его обязаны исключить из академии Парамагии. Естественно, ни о какой

работе в АКОПОС также речи быть не может…

– Поддерживаю вас полностью, командир, – поддакнул Алекс.

Одно из щупалец Виолетты нервно дернулось, командир проговорила:

– Не перебивай, Хром. Да, я действительно должна тебя исключить, Ярослава. Но сейчас мы в непростой ситуации. В Небулане неспокойно…

Алекс снова вставил:

– В Небулане всегда неспокойно, командир.

Спрутовская окатила его суровым взглядом, и брюнетик поджал губы, а она продолжила:

– Верно. Но сегодня разведка донесла, что возможны диверсии. Наши системы контроля мигают оранжевым, а это значит – идет какая-то экспансия. Но мы совершенно её не видим.

Я не поняла.

– Это как?

Спрутовская скривила суровое лицо.

– Пока не понятно, – ответила она. – Очевидно лишь то, что в наш мир произошло незаконное проникновение, но мы никак не можем его отследить.

– И вы думаете, что «Тайники» каким-то образом с этим связаны? – не поверила я, потому что с трудом представляла, как магическое приложение для общения студентов может быть замешанно в межмировом проникновении.

Командир протянула длинное щупальце к небольшому шару на полу и мазнула по круглой поверхности. Над шаром засияло зеленоватое облако, в нем замелькали картинки, в которых я узнала красноватые пески Небулана.

– «Тайники» были созданы четыреста лет назад студентом из Небулана, – стала приоткрывать мне завесу неизвестности Виолетта. – Приложение никак не контролировалось, отследить его магический центр не удается до сих пор. А значит и ликвидировать. Или же использовать в своих целях.

Я кивнула – такие вещи действительно лучше возглавлять, чем не знать, что с ними делать. Спрутовская продолжала:

– Мы потребовали у этого студента открыть доступы к магическому центру и отдать контроль нам. Он наотрез отказался и сбежал из академии Парамагии. Найти его до сих пор не удалось. Как и магический центр «Тайников». Во избежание повторений мы наложили серьезные чары на мембраны между нашим миром и миром Небулан, чтобы запретить перемещение от них сюда. Но, как видишь, недавно случилось странное, и небуланская братия стала появляться на Земле.

– Угу, – согласилась я. – И подворовывать. Мою сумку, например, упёрли.

Брови Спрутовской сдвинулись, лицо помрачнело, она кивнула.

– Они, как ты выражаешься, упёрли такие мелочи не только у тебя. Агенты сообщают, что было зафиксировано ещё

несколько подобных случаев. Что вызывает беспокойство. А анонимное приложение «Тайники» – жирная прореха в безопасности академии Парамагии, АКОПОС и всего нашего мира. Так что очень кстати было бы иметь своего человека в этих «Тайниках».

До меня смысл толстого намека Спрутовской дошел не сразу, зато Хром, похоже, все понял, потому что его восклик перешел на фальцет.

– Командир?! Вы серьезно???

– Абсолютно, агент Хром.

Алекс задышал так часто, что стал задыхаться.

– Да она же девчонка! – выдохнул он. – У неё нет подготовки! Она запорет всю операцию!

– Вот и продолжай её подготовку, – со спокойной серьезностью ответила Виолетта и обратилась уже ко мне: – Ярослава, от тебя требуется максимум усилий. Сейчас у тебя есть шанс стать кем-то большим, чем девочкой по вызову. Но я не всесильна, имей это ввиду. Так что если ты готова стать информатором по вопросам приложения «Тайники», будь готова ко… Всему. Ты готова?

Пока слева от меня, захлебываясь от очумения, глотал воздух Алекс, меня заколотила мелкая дрожь. Не только от того, что предлагают стать доносчицей на своих сокурсников. Но и потому, что она знает! Виолетта Спрутовская знает о моей жизни там, среди гражданских! Знает о Владе Лисицыне! И она реально мне помогает! Остается только вопрос

– почему?

– Ярослава? – снова ударил меня кулаком под дых вопрос командира. – Ты готова?

Вариантов у меня не то чтобы много. Кляузничать на сокурсников мерзко и отвратительно, но оказаться в лапах отчима ещё хуже. Без АКОПОС я не смогу помочь маме. А значит шанс у меня только один, пусть и не очень чистый, но существенный.

Я кивнула.

– Готова.

Рядом, наконец, обрел способность связно изъясняться Алекс.

– Командир, но как… Она же…

Виолетта Спрутовская перевела на него взгляд, и в её фиолетовых глазах я вдруг увидела такую усталость, что мне стало её жаль. Сколько лет Виолетте, я точно не знаю, но эта женщина-осьминог тянет на себе весь АКОПОС и академию Парамагии уже не первый десяток, а, может, и сотню лет. Она многое знает, гораздо больше, чем может сказать, и жизнь её похожа на айсберг, верхушка которого видна всем. Но настоящий массив сокрыт под водой, и какие громады там таятся, до конца не знает и сама Спрутовская. Впрочем, так и все люди – друг другу показывают только фасад, но пустить в глубины своего океана могут лишь избранных.

– Алекс, – проговорила она спокойно, – я хороший командир?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что Алекс с растерянностью вытаращился на Спрутовскую.

– Э… Что? – пробормотал он. – Да, конечно. Что вы, конечно, хороший. Я бы сказал – лучший!

Спрутовская устало выдохнула и сказала:

– Хорошо. Вот и славно. Тогда доверься моему опыту, Алекс. Нам сейчас нужно много инструментов. Ярослава не будет лишней.

Из кабинета Виолетты мы уходили молча. Напоследок она дала Алексу кое-какие инструкции, и теперь мы идем по коридору через АКОПОС к корпусу академии в задумчивой тишине.

До меня медленно доходило – я смогла не вылететь из академии. Правда плата за это – верность друзей, которых у меня и без того раз, два и обчелся. Но разве друзья не для того, чтобы прощать и принимать человека таким, какой он есть?

Когда мы дошли до развилки коридора, одна часть которого ведет в корпус академии, а другая в столовую АКОПОС, Алекс остановился и развернулся ко мне.

Во второй раз за сегодня я оказалась в ситуации, когда мужчина стоит близко ко мне и смотрит сверху вниз. И оба этих мужчины вызывают крайне смятенные чувства. А после всего, что сказала Спрутовская, меня все ещё потряхивает.

– Ярослава, – проговорил Алекс, глядя на меня глазами цвета голубой стали, – я хочу, чтобы ты очень хорошо усвоила: я тебя не ненавижу. Ты это поняла?

Я сглотнула, таращась на прожилки в его глазах и на четкий профиль. Когда пауза слишко затянулась, нашла в себе силы выдавить:

– Ну… А чего ты тогда меня гнобишь почем зря?

Хром облизал губы и чуть нервно поморщился на одну сторону.

– Я не гноблю, – сказал он, – я отвечаю за безопасность. Пойми меня правильно, я действующий боевой маг, старший агент АКОПОС. На моих плечах не только безопасность академии и агентства. Твоя тоже, Ярослава.

То, что он пытается меня защитить, он уже говорил, но защита его выглядит, как неприкрытая агрессия, а я такого языка не понимаю.

Я ответила:

– Я помню и понимаю, кто ты такой. Но попробуй и ты понять меня.

На и без того хмурое лицо Алекса набежала ещё одна тень, он стал похож на Аполлона или Диониса, который задумался о своих тусовках и впал в раскаяние.

– Тут видишь какая ситуация, Ярослава, если встанет вопрос безопасности тысяч людей или твоей, – проговорил он, – догадываешься, какое правильное решение я должен буду принять?

Холодок, пробежавший по моему позвоночнику, опустился в поясницу и неприятно кольнул.

Я ответила тихо:

– Догадываюсь. И надеюсь, такой ситуации не возникнет.

– Я должен не надеяться, а просчитывать и предвосхищать, – ответил Алекс. – Спрутовская, безусловно, мощный командир, но она здесь, в корпусе АКОПОС. А я решаю вопросы там, где швыряют пульсары и проклятые твари вселяются в маленьких девочек.

– Понимаю…

– Я обучу тебя, как того требует командир, но мнения своего не меняю – продолжил Алекс. – В академии и в АКОПОС место есть тем, кто прошел настоящую подготовку, а не читерскую.

Говорил Алекс негромко, но слова его больно били в самое сердце. Он не устает напоминать мне, кто я такая и куда должна пойти со своими попытками зацепиться в академии.

Я не смогла подавить нервный вздох, слова вырвались сами.

– Тебя совсем не трогает то, что со мной может случиться в мире гражданских? – спросила я.

На секунду показалось, что по мрачному лицу Алекса скользнула тень сочувствия, но, судя по тому, как быстро она исчезла, это было что-то иное.

– Гражданским место среди гражданских, – проговорил он, спустя небольшую паузу. – Моя задача обеспечивать им безопасность и неведение о паранормальном магическом мире.

Потом он вдруг как-то очень пристально посмотрел мне в

глаза, и я ощутила знакомое чувство падения. Такое уже было, когда он таращился на меня после ситуации с проклятой душой в лекарской. Я не могла оторвать взгляда от его холодно-голубых радужек, казалось, они растут, увеличиваются, превращаясь в огромные глыбы льда. Заполняют собой все вокруг и втягивают меня внутрь, я тону в этом ледяном океане и не понимаю – почему.

Кажется, он прикасался к моему лицу, потому что я ощущала легкое щекотание на щеках. А может, мне лишь показалось, потому что хотелось так думать. И теплое дыхание на своих губах, и даже прикосновение широкой ладони к моему затылку. Терпковатый древесный запах щекотал нос, я точно знала, кому он принадлежит, а в ушах бесконечно гудел рог. Чем глубже я тонула в ледяном океане, тем сильнее становился звук. В какой-то момент я потеряла ощущение пространства, меня качнуло, и я полетела в сторону.

Именно полет и вырвал меня из этого затягивающего состояния – гул резко прекратился, картинка смазалась, запах ослаб, а в следующий момент я налетела левым плечом на стену.

– Ай!

Было не больно, но неприятно. Ухватившись за плечо, я зажмурилась до цветных кругов перед глазами, а когда разлепила веки – вновь увидела перед собой развилку коридора и Алекса. Он хмурит соколиные брови и смотрит на меня с задумчивой мрачностью.

– Не понимаю, – проговорил он через пару секунд, – что она в тебе нашла.

Меня его философствования заботить перестали – после этого странного гипноза голова немного кружится и хочется пить. Я облизала пересохшие губы и спросила с недовольством:

– Что это, блин, было?

– Не бери в голову, – отвлеченно ответил Алекс, продолжая с неоднозначным интересом меня разглядывать. – И вроде нет в тебе ничего особенного… Чего она тогда в тебя так вцепилась…

– Ну спасибо, – буркнула я. – Если на сегодня у тебя норма по оскорблениям выполнена, я пойду.

После чего развернулась и намерилась двинуться по коридору к корпусу академии. Но сделать удалось ровно один шаг, потому что путь мне преградила рука Алекса, которая уперлась в стену. Агент снова навис надо мной и оказался так близко, что, кажется, я навсегда запомню его дерзкий запах.

– Ты мне точно ничего не хочешь рассказать? – поинтересовался он с неуверенностью и подозрительностью в голосе.

Я сглотнула и снова уставилась на него. В такой близости от мужского лица, да к тому же красивого, чего уж греха таить, думается крайне трудно. Особенно, когда мужчина требует чего-то непонятного и наседает всей психологической массой.

Поморгав и продолжая смотреть на агента снизу вверх, я

выдавила из себя:

– Вряд ли.

– Уверена?

Эта фраза всколыхнула во мне характер, я тряхнула головой и проговорила:

– Даже если бы было, что сказать, с тобой я бы точно обсуждать ничего бы не стала.

– Да? – хмыкнул Алекс, как мне показалось, уязвленно. – А с кем бы стала? С Михой? Или с Соловьем? Он, как мне говорят, тебе уже напел своих трелей в уши.

В груди вспыхнуло негодование, страх и робость моментально испарились, им на смену пришли смелость и решительность.

– Как интересно. Ты что же, за мной следишь?

– Контролирую, – уточнил Хром.

– Я как-то дожила до своих лет без твоего контроля, – выдохнула я ему в лицо. – Проживу и дальше.

Алекс скривился, а я страшно выпучила глаза. Моя тирада, конечно же, детский лепет и ни капли обоснованной аргументации. Но язык мой, подгоняемый эмоциями, плетет быстрее, чем мозги успевают обработать информацию.

– Иди уже, – вдруг с усталым вздохом произнёс Алекс. – Не опаздывай на занятия.

После чего развернулся и ушел, оставив меня в растерянном неведении.

В свою комнату я возвращалась задумчивая и озадачен-

ная. Странности, которые сегодня добавились в мою копилку, разрешить хотелось бы, но вряд ли агенты Хром и Разбойник кинутся мне объяснять своё поведение.

И всё же два положительных момента я за этот день получила. Первый – Миха на меня не злится. Второй – Алекс меня не ненавидит. Это не значит, что оставит попытки выдворить меня из академии, но хотя бы личной неприязни между нами нет. А это хорошо.

Из плохого: со Свирэлью мои отношения усугубились хуже некуда. Она первая, от кого следует ждать неприятностей крупного калибра. Но самое главное, мне придётся стать шпионкой среди немногочисленных друзей.

– Мда. Ситуация, – сказала я себе тихо.

Как буду кляузничать на Дубраву или Ясеня, не укладывалось в голове, хотя я обдумывала и так, и сяк. Когда дошла до своей двери, окончательно решила – доносить на них я не стану, даже если того потребует Спрутовская. Она ведь не знает, кто именно зарегистрирован в «Тайниках». А значит, я имею карт-бланш на выбор того, о ком говорить, а о ком нет.

Комната встретила меня уютом и легким потрескиванием гномьего камня, который разогрелся до красна. Я переоделась в ночное, решив принять душ утром, а сейчас залезла в кровать с очередным фолиантом и собралась почитать перед сном, чтобы снять стресс. А его сегодня было достаточно.

Взгляд бегал по строчкам, а буквы мелькали, но спустя

несколько минут поймала себя на том, что все это время читаю один и тот же абзац. При этом вообще не вникаю, о чем он.

Я хмыкнула.

– Похоже, сегодняшний стресс все-таки на меня подействовал.

Вознамерившись осилить хотя бы параграф, я снова взялась за абзац.

«Пространственная магия хорошо используется при непосредственном преобразования объектов в пространстве с применением силовых потоков и геометрии пятимерных структур…»

– Белиберда какая, – заключила я, кривясь, и склонилась ниже над фолиантом.

В этот момент спасительно курлыкнуло зеркальце, я схватила его, готовая общаться с кем угодно, лишь бы отложить необходимость читать о пространственной магии.

В сообщениях светилось одно не прочитанное. Я ткнула на него.

«Все-таки ты трусиха», – значилось там.

Я не сдержала досадного «блин». От того, что ещё один студент академии считает меня недотепой, в груди засвербело. Даже пришлось почесаться. Но это не помогло, свербение усиливалось, в какой-то момент голова пошла кругом и перед глазами мелькнула однажды увиденная пустыня. Та, в которой за мной гнался вурдалак. Сейчас показалось, что я

подглядела в окно с размытыми краями, где огромный чёрный замок высится посреди пустыни, как созревший прыщ. И ощущения от него соответствующие. Вокруг марево, небо тяжелое, а грязно-коричневые тучи ползут так низко, что вот-вот прорвутся.

Меня потянуло в это окно, словно затягивала невидимая воронка. Я тряхнула головой и видение моментально исчезло.

– Вот это да… Что за… – пробормотала я себе и с силой потерла лицо ладонями.

От стресса и напряжения пригрезится и не такое. А этого добра у меня вдоволь. Поэтому решив, что на сегодня умственной и физической нагрузки достаточно, я переложила книги на прикроватную тумбочку и опустила голову на подушку. Перед тем, как уснуть, не удержалась и все-таки отправила сообщение Виконту Схимнику:

«Возникли неотложные дела. Если ты все ещё не передумал встретиться, предлагаю сделать это завтра».

Ответ пришел буквально через пару минут.

«Договорились».

Завтра, конечно же, мы тоже не встретились, потому что Алекс Хром устроил марафон по базовым боевым заклинаниям, которые он любовно называл «ББЗ». Мы с Дубравой едва не выли от напряжения, потому что эти «ББЗ» требовали хорошей скорости реакции, а это лучше получалось у парней. Девочки выполняли задания за счет концентрации,

но этот ресурс в магии более затратный. Так что после занятий не хотелось ничего, кроме как упасть и спать.

На следующий день с Виконтом Схимником мы тоже не встретились, и на последующий и вообще – две недели пролетели, как слетели с куста. Не помню, чтобы я когда-нибудь так пахала. На занятия уходила рано утром, а возвращалась, когда солнце пряталось за горизонт. За это время с Дубравой и Ясенем мы сдружились ещё крепче, даже Алан Клыкер иногда затесывался в нашу компанию.

На какое-то время я полностью погрузилась в учебу и даже забыла о том, что есть мир гражданских и что я выходец из него. Биан Ас особо не мешал, что удивило, ведь до этого он активно за мной наблюдал, а теперь будто бы потерял интерес, хоть и мелькал постоянно где-то рядом. Я только выдохнула с облегчением. Соловья с того момента, как он проводил меня до комнаты, я не видела. Как и Миху. Зато с Алексом виделись регулярно, но полностью по-деловому. Стало даже казаться, что он смиряется с моим присутствием.

В «Тайники» я заходила регулярно, общение с Виконтом Схимником как-то само по себе утряслось и стало привычным. Даже начало казаться, что мы всегда легко и непринужденно перекидывались остротами. Иногда в перерывах между занятиями я, вместо того, чтобы проводить время с Дубравой и Ясенем, я сидела на винтажном подоконнике восемнадцатого этажа и перекидывалась сообщениями в «Тайниках» через зеркальце-скажи.

От Виконта Схимника как раз прилетело новое и висело непрочитанной иконкой.

«Ты снова сегодня воевала с пространственной магией у Сократиса?» – спрашивалось в нем.

«У меня вообще-то неплохо получается», – немного приврала я, потому что как раз с пространственной магией у меня не очень.

Ответ ждать себя не заставил.

«Да не заливай. У Сократиса мало кто способен на «неплохо».

Я тихонько усмехнулась и быстро набрала:

«А может, я та самая, у кого получается».

«Смело. И дерзко. Может быть, ты достаточно смелая и для маскарада?»

А вот это заставило меня даже сползти с подоконника и нервно потоптаться у окна. Так. Значит, маскарад. Что мне это сулит? Как минимум посещение сборища тех, кто не спешит раскрываться перед управлением академией и агентством.

Я отправила сообщение Виконту Схимнику:

«А что за маскарад?»

«Иногда руководство «Таников» устраивает закрытую тусовку для своих», – пришел ответ.

Я хмыкнула. Как интересно. Выходит, мой дорогой Виконт Схимник каким-то образом относится к этим самым «своим»?

Как бы романтично я ни была настроена на его счет, но доля здравого смысла во мне осталась. Надо бы подробнее выяснить, что за движуха для избранных и при этом не спугнуть Виконта.

Поэтому я постаралась сохранить прежний темп и тон беседы, отправив сообщение:

«Я должна поверить, что ты входишь в этот закрытый круг?».

«Сомневаешься?».

«Если честно, ещё как».

«Тогда как тебе такое, моя красавица Леди Молния?», – пришел ответ. – «Я предоставлю тебе пароль для входа в закрытый чат. Перед маскарадом пришлю приглашение в него. По этому паролю можно будет получить место проведения».

Я даже изумилась тому, как охотно он решил раскрыть передо мной секреты тусовки и отправила сообщение:

«Звучит заманчиво».

«Но ты должна пообещать», – тут же курлыкнуло сообщение в зеркальце.

Ну конечно, как же мы могли обойтись без сделок.

«И что? Предупреждаю – отдаваться на первом свидании не буду», – ответила я.

«Хаха. Уверена? Может, я неотразим».

«Ага. И поэтому я должна упасть перед тобой штабелем. Нет уж, обойдешься, дорогой Виконт Схимник».

Обычно меня его дерзость и прямота забавляли, но иногда

я вспоминала, что имею дело с безликим аватаром. Мало ли, кто на той стороне, и вместо нарисованного воображением образа жгучего брюнета меня поджидает какой-нибудь псих.

Зеркальце снова курлыкнуло, я открыла сообщение.

«Ладно, не бойся. Приставать не стану. Но пообещай мне, что обязательно придешь».

«И всё?», – не поверила я.

«Этого будет достаточно. Надеюсь, возможность побывать на закрытой вечеринке и увидеться, не раскрывая лица – это достаточная мотивация».

«Можно и так сказать».

«Будем считать это согласием. Тогда ближе к тусовке я пришлю кодовое слово», – прислал сообщение Виконт Схимник.

«Договорились».

После этого в зеркальце прилетела объемная ромашка, я не удержала улыбку и поторопилась скрыть её подальше от посторонних глаз.

Докладывать Спрутовской о моих амурно-виртуальных делах не хотелось. Да и вряд ли это может хоть немного помочь делу. Мне вообще стало казаться, что нападки со стороны агентства на «Тайники» – лишь попытка узурпировать власть и не позволить вольнодумства при академии. Такое часто бывает везде, где появляется авторитарный режим. А Спрутовская тот ещё командир.

Поэтому я решила свой будущий поход на закрытую ве-

черинку оставить в секрете даже от Дубравы.

Взаимные вилки, шуточки, провокации перемежались с объемными розами, которые можно передавать через зеркальце, стали неотъемлемой частью нашего с Виконтом Схимником общения. Я бы даже назвала это каким-то виртуальным романом, если бы верила в такую ерунду. Во всяком случае, мне есть с кем приятно провести время, пусть и через зеркальце-скажи. И терять это общение не хочется.

Тем не менее подавать отчеты напрямую Спрутовской о деятельности «Тайников» и обо всем, что происходит в сообществах, периодически требовалось. Хотя мне казалось это излишним. Сообщества бурлили примерно тем же, чем и самые обычные молодежные чаты: обсуждали преподов, отношения, кто и как вырядился, а также кто дурак, а кто нет. Ничего выдающегося и, если бы не Виконт Схимник, мне было бы даже скучно в «Тайниках». Но Спрутовская требовала отчетов, и приходилось их набивать пальцами на ноутбуке. Можно было бы воспользоваться легерскрибером, но эту идею я отмела – не хочу, чтобы они лезли в мою голову и смотрели, о чем я переписываюсь с Виконтом.

А Виконт умел быть галантным и милым. Особенно, когда после жарких перепалок в переписке присылал цветы в зеркальце- скажи. Выглядело это обалденно, потому что, когда открывалось сообщение, цветы пышным, полупрозрачным букетом на несколько секунд зависали над артефактом и медленно крутились, позволяя разглядывать их красоту.

Потом, конечно, рассыпались в пыль. Но внимание доставляло мне удовольствие.

В таком темпе я не заметила, как прошли ещё две недели обучения и подошло время промежуточного контроля знаний.

– Блин, я так нервничаю, – выдохнула Дубрава и обхватила себя за плечи, когда мы в день контрольной завтракали в студенческой столовой.

Я её подбодрила:

– Тебе грех волноваться. У тебя и чары получаются, и заклинания. И с пространственной магией все хорошо.

– Зато по медитации полный завал, – вздохнула она.

После завтрака мы отправились в аудиторию боевой магии. Чем ближе мы подходили, тем сильнее у меня сжималось внутри – именно эта дисциплина, не считая пространственной магии, давалась мне хуже всего. Я промазывала, била недостаточно сильно или наоборот, недостаточно аккуратно. Алекс Хром только ухмылялся и кривился. Теперь нужно сдавать контрольную, а у меня руки трясутся. Как в таком состоянии формировать «Порыв Позвизда», «Свет небес», или хотя бы «эхо» – вообще не понятно.

Задумчивая и озадаченная предстоящей контрольной, я завернула за угол и налетела на широкую мужскую грудь. Справа раздался вздох Дубравы, а когда я подняла голову, то встретилась взглядом с пронзительно-карими глазами Биана Аса. Он, не моргая, впился в меня своими зыркалками, и

по моим венам будто потек горячий воск. Оцепенев, я уставилась на него, забыв, как дышать. Все моё нутро похолодело, а мысли растаяли, оставив лишь одно – бесстрастное и неморгающее лицо Биана. Появилось уже знакомое ощущение воронки, меня будто потянуло к нему, вязко и очень настойчиво.

Не знаю, сколько бы это длилось, если бы Дубрава с силой не тряхнула меня за плечо.

– Яра! Яра, очнись!

Наваждение исчезло, я быстро заморгала, а Биан надо мной поприветствовал обволакивающим голосом:

– Доброе утро, Ярослава

Во рту моем пересохло – он ещё и имя мое помнит?!

– Д-доброе… – выдавила я, все ещё глядя на него снизу вверх.

Пару секунд он продолжал пронизывать меня взглядом, потом произнёс:

– Успешной контрольной.

После чего сделал шаг в сторону и, обойдя меня, направился по своим делам.

Я, обалдевшая и очумевшая, смотрела ему в спину и пыталась понять, что сейчас было. Биан Ас все время держится где-то поблизости, и я это заметила. Хотя Дубрава сочла меня выдумщицей. Но мне моя догадка показалась резонной – не было и дня, чтобы Биан не показался в поле зрения. При этом он мог просто зафиксироваться взглядом. А бывало,

нарочно подходил ближе. Вот как сейчас.

Меня не покидало ощущение, что происходит непонятное. Со мной в том числе. Да и в последнее время у меня то сны странные, то какие-то воронки, то галлюцинации. Ещё и эти гипнотические взгляды Соловья, Алекса, теперь и Биана. Возможно, они обладают магической техникой гипноза, а может, просто я дико робею перед такими мужчинами. Бывает ведь кровобоязнь, когда от вида крови кружится голова. Может у меня быть какая-нибудь парнебоязнь?

Дубрава рядом со мной стоит с карикатурно впечатленным видом – глаза круглые, зеленые космы торчком и шевелятся.

– Вот это да… Вот это вообще… – пробормотала она. – Видела, как он на тебя глазел?

– Даже чувствовала, – отозвалась я глухо, вспоминая жар в венах.

– Можешь говорить мне что угодно, – но между вами что-то есть, – заключила Дубрава.

– Мы даже не общаемся, – заметила я.

– Любви не нужны слова! – высокопарно заявила лесовичка.

Вопреки романтическому настрою Дубравы, у меня ощущения от встречи с Бианом остались сомнительные. Даже неприятные. А ещё и тот сон. Или, может, Дубрава права и я не готова признать, что мне нравится новенький, поэтому наделяю его негативными качествами? Впрочем порой мне

казалось, Дубрава перегибает с вниманием к моей личной жизни. Будто нарочно впихивает мне этого Биана.

Я тряхнула головой. Нет, сейчас некогда думать о такой ерунде, потому что аудитория Алекса Хрома вон там, впереди, и из дверей только что вышел Алан Клыкер. Улыбка до ушей, кудри торчат во все стороны, а глаза горят желтоватым светом оборотня.

– Сдал? – спросила я, когда он проходил мимо, стараясь переключить внимание.

– А то! – отозвался волкодлак. – С первого раза. Даже вопросов дополнительных не задавали. Вот что значит настоящий волкодлак!

Довольный, он сунул руки в карманы и вальяжной походкой направился по коридору.

Мы с Дубравой переглянулись.

– Ты первой пойдешь или я? – спросила лесовичка.

Терпеть, пока от ожидания нервозность станет невыносимой, и рисковать снова встретиться с Бианом или какой-нибудь Свирэлью перед контрольной у меня сил не было.

Я глубоко вдохнула и выдохнула со словами:

– Я пойду.

И направилась к двери аудитории Хрома.

Глава 8

Зал боевой магии встретил меня запахом горелого дерева и зелеными каплями, которые оросили сперва мой нос, а затем макушку. Подняв голову, я обнаружила на потолке обширное пятно грязно-изумрудного цвета, с которого без остановки капает.

– Не обращайте внимания, студентка Воронцова, – подчеркнув слово «студентка», проговорил Алекс Хром.

Его, как и остальных трех преподавателей, заметила только сейчас. Они в один ряд сидят в самом левом краю аудитории за трибуной и как-то незаметны.

Среди принимающих контрольную, кроме Алекса, за столом расселись профессор Орфей Сократис – препод по пространственной магии, профессор Чистослов по Чароплетству и профессор Лимония Двуликая по превращению объектов.

Все они смотрели на меня с легким безразличием. Ещё бы, я бы тоже так смотрела, если бы с утра успела принять сорок контрольных от студентов, у которых с магией не всегда хорошо.

– Всем здравствуйте! – бодро поприветствовала их я, решив, что дружелюбие в моем случае можно считать козырем.

От моего напора преподы вздрогнули, будто проснулись, и даже переглянулись. Лишь Алекс неоднозначно хмыкнул

и, поднявшись, оперся бедром на край студенческой парты.

– Ну что ж, Ярослава Воронцова, – с нарочитой важностью произнес он, – вы готовы продемонстрировать нам ваши умения и пройти контроль знаний?

Теперь пришла моя очередь кривиться. Такая напыщенность и театральность в исполнении Хрома выглядит несуразной – слишком мужественное у него лицо для такой роли. Но терять самообладание от его выпадов не время. Тем более, я хоть и не лучшая студентка на курсе, но все же старалась и занималась.

– Куда ж я денусь, – сообщила я.

После чего Хром демонстративно обвел ладонью аудиторию, приглашая меня занять место в середине.

– Тогда не будем ждать, – проговорил он, и в его голосе я уловила что-то недоброе.

Сердце мое гулко ударило в грудную клетку, но пришлось взять себя в руки и, сделав очередной глубокий вдох, выйти в середину зала.

Лимония Двуликая, женщина неопределенных лет с черными волосами с правой стороны головы и белыми с левой, которые убраны в тугой пучок на макушке, поинтересовалась как всегда немного чопорным тоном:

– Коллеги, вы позволите, если Ярослава начнет с превращения объектов?

Сколько лет профессору Сократису мы гадали всем курсом, но какого бы возраста ни была Лимония, Сократис не

выглядит старше. И даже светлые кудри на его голове не сбрасывают ему возраст, как и белая, подвязанная золотым поясом тога.

– Дамы вперед, – дружелюбно проговорил он.

Профессор Чистослов молчаливо кивнул, а Хром с безразличием сдвинул плечами. Я про себя хмыкнула – ну и спасибо. С превращением объектов у меня, может, и не очень, но Лимония Двуликая почему-то благоволит всем девочкам курса.

Она кивнула и ободряюще улыбнулась.

– Начинай, дорогая, – сказала она. – И ничего не бойся. Помни – все ошибаются. Главное, что человек делает после этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.